

Читайте:

4 Призёры конкурса «Дорога в Арктику» Злата ЕСТЬКИНА: Корабль и море	10 Екатерина РОКИЦКИ: Исчезнувшая экспедиция
5 Олеся ТОКАРЕВА: Ледяной набат Юлия ЛАКШТАНКИНА: Экспедиция	12 Валерий АНИШКИН: Даша и Фархад
6 Таисия СЕНЧЕНКО: Спорщики	16 История с географией: Хмелита: усадьба Грибоедовых
7 Алисия МИХАЙЛОВА: Колокольня святой Надежды	20 Геннадий МАЙОРОВ: Блеск и нищета...
8 Роман МОРОЗОВ: Пропавшая экспедиция	28 Денис ВОЛИН: Командировка на войну
9 Лада МОНК: Жизнь, Арктика, Надежда	

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

В этом году мы отмечаем юбилеи многих знаковых писателей. Давайте напомним любителям литературы имена родившихся во второй половине года.

21 августа

155 лет со дня рождения **Леонида Николаевича Андреева**, русского писателя (1871–1919)

1 сентября

170 лет со дня рождения **Иннокентия Фёдоровича Анненского**, русского поэта (1856–1909)

1 октября

235 лет со дня рождения **Сергея Тимофеевича Аксакова**, русского писателя (1791–1859)

17 октября

95 лет со дня рождения **Анатолия Игнатьевича Приставкина**, русского писателя (1931–2008)

2 ноября

120 лет со дня рождения **Даниила Леонидовича Андреева**, русского поэта, философа (1906–1959)

10 ноября

225 лет со дня рождения **Владимира Ивановича Даля**, русского этнографа (1801–1872)

11 ноября

205 лет со дня рождения **Фёдора Михайловича Достоевского**, русского писателя (1821–1881)

10 декабря

205 лет со дня рождения **Николая Алексеевича Некрасова**, русского поэта, прозаика, критика, издателя (1821–1878)

12 декабря

260 лет со дня рождения **Николая Михайловича Карамзина**, русского историка (1766–1825)

24 декабря

125 лет со дня рождения **Александра Александровича Фадеева**, русского писателя (1901–1956)

№65' февраль 2026

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)

Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.02.2026 г. Выход в свет: с 01.02.2026 г.

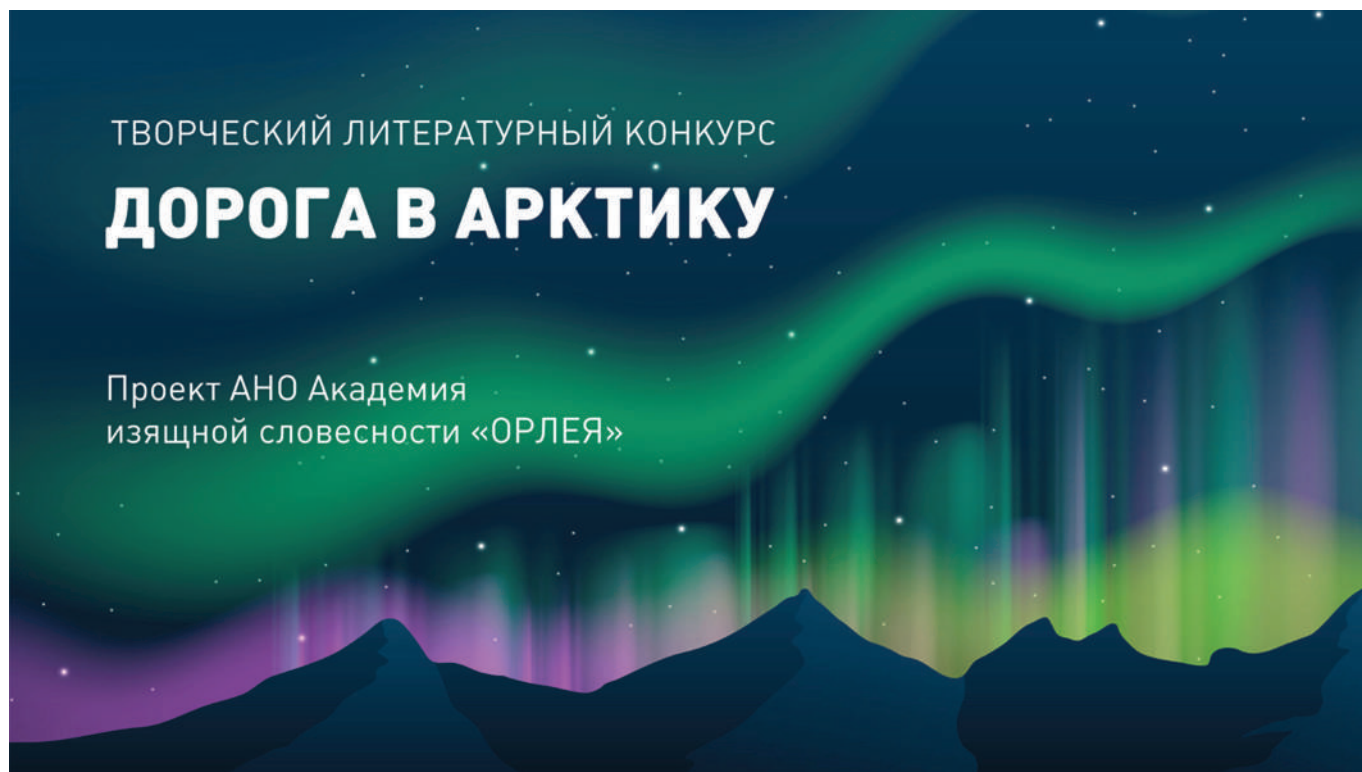
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа

«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №65-НО+ Цена свободная

Фото из открытых источников

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

ТВОРЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
ДОРОГА В АРКТИКУ

Проект АНО Академия
изящной словесности «ОРЛЕЯ»

**Итоги Всероссийского литературного конкурса «Дорога в Арктику»
Победители 3-го этапа:**

Поэзия

- I Еськина Злата (г. Балашиха, Московская область)
- II Токарева Олеся (г. Азов, Ростовская область)
- III Лакштанкина Юлия (г. Алатырь, Чувашия)

Проза

13-18 лет

- I Сенченко Таисия (Ленинградская область)
- II Михайлова Алисия (г. Москва)
- III Морозов Роман (г. Москва)

Проза

19-25 лет

- I (не вручается)
- II Лада Монк (г. Владивосток)
- III Рокицки Екатерина (г. Люберцы, Московская область)

Место:

Злата ЕСЬКИНА
МО, Балашиха, 10.02.2009 г.р.

Корабль и море

По Арктике белой, обители выюжной,
где скалы глядят ледяно-равнодушно,
по снежной стране, в полуночных широтах
корабль скитается – ищет кого-то.
Седьмая полярная ночь наступила,
во льдах и снегах не растаяли силы,

корабль не предался печали и горю
и так обратился он к морю:
«О, Карское море, скажи мне, куда
Русанов с командой исчез навсегда?
Загёрто ли судно громадами льда?
В глубины его утянула вода?
Зимою замёрз экипаж в холода?
Какая случилась беда?
Казалось бы, все я изведаль пути –
русановцев след не могу я найти!
Откроешь ли ты мне свой главный секрет?»
Молчание – моря ответ...

2 место**Олеся ТОКАРЕВА**

17.03.2004 г.р.

г. Азов (Ростовская область)

Ледяной набат

Русанов!
Владимир Александрович!
Ты —
не просто имя,
не просто строка в учебнике.
Ты —
взрыв!
Взрыв в тишине ледяных пустынь,
взрыв в сердце Арктики,
где ветер воеет, как зверь,
и льды, как гробы,
стоят веками.

Ты —
"Геркулес"!
Корабль,
что рвал льды,
как бумагу.
Ты —
команда,
что шла за тобой,
не зная страха.
Ты —
карта,
что ты сам рисовал,
где до тебя
было только белое "ничто".

Но где ты?
Где твой след?
Где твой корабль?
Где твои люди?

3 место**Юлия ЛАКШТАНКИНА**

07 июля 2012 г.р.

г. Алатырь (Чувашская Республика)

Экспедиция

Среди невыносимой стужи
и льдин, прозрачных, как слеза,
шёл «Геркулес» маршрутом нужным,
и миссия была важна.
А север был совсем недружным:
пронзая насквозь, как стрела,
он холодом, манящей стужей
окутывал всех добела.
Казалось, что пути и нету,

Льды молчат.
Ветер молчит.
Только эхо твоего имени
гудит,
как набат,
в сердцах тех,
кто помнит.

Русанов!
Ты —
не пропал.
Ты —
в каждом,
кто смотрит на Север
и видит не смерть,
а жизнь.
Ты —
в каждом,
кто идёт вперёд,
не зная,
что ждёт впереди.

Ты —
не просто имя.
Ты —
легенда.
Ты —
символ.
Ты —
Арктика,
что зовёт и манит.
Ты —
вечность,
что не сломить льдами.

Русанов!
Владимир Александрович!
Ты —
навсегда.

что сгинет в море «Геркулес».
Идеей общию согретый,
он мчал с людьми наперевес.
Вот и бескрайние просторы,
среди которых адский труд,
а экспедиция упорно
всё продолжает свой маршрут.
Открытый много, дальше — больше,
и льдами полнится земля.
Побывать бы тут ещё подольше,
но нет тепла и нет угля.
И стужа сковывает руки,
и силы вихрем унесло.
Застыло сердце в рваном стуке,
что было важно, всё ушло...

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

Возрастная категория 13-18 лет

1 место

Таисия СЕНЧЕНКО

6 июня 2011 г.р. (Ленинградская область)

«СПОРЩИКИ»

– Полинка, а спорим...
 – Спорим!
 – Но я же ещё ничего не сказал.
 – Ты хотел сказать: «Полинка, а спорим, что ты ничего не знаешь про Арктику?». Я права?

– Да как ты это всё время делаешь?!

Привет, меня зовут Макс Кольшев. Но вы можете называть меня «спорщиком». Спор, спор и ещё раз спор! В спорах я мастер (если, конечно, это спор на что-либо). Есть только один человек, который может со мной сравниться: моя сестра Полина. Она уникальна во всём, что только можно себе представить: в различных науках, в технике, в живописи. Ещё она умеет читать мысли и видеть будущее, хотя, по её словам, это просто шестое чувство (однако я ей не верю).

Придя домой, мы с сестрёнкой уселись на диване, и она начала рассказывать мне про Северный полюс.

– Арктическая пустыня – это тебе не зима у нас в Санкт-Петербурге, она шутить не любит. Метели, морозы, пурга в бескрайних ледниках – брр-р-р! (при этих словах Полинку реально пробрало, словно она оказалась в той самой Арктической пустыне; даже зрачки её глаз сузились до щёлочек, как будто колючие ледяные снежинки так и хотели пробиться сквозь её густые ресницы). После недолгой паузы она продолжила своё повествование:

– А полярная ночь – это то, чего надо бояться начинающему путешественнику. Сто семьдесят четыре дня! Многие не возвращались к себе домой, оставаясь погребёнными в снежной пучине. Поэтому без подготовки в Арктику лучше не отправляться.

– А правда, что там кроме белых медведей никого и ничего нет?

– Конечно, есть! Вот как ты думаешь, чем питаются белые медведи? На одной рыбе они бы долго не протянули.

– Ну... хм... В спячку они не впадают, это я знаю из уроков биологии. А в нашем зоопарке, – помнишь? – мы такого видели, так его реально рыбой кормили. Там ещё нам рассказали, что в блокаду его эвакуировали в Казань, как носорога и тигров. А чем питаются... Может, тюлени?

– Молодец, ты угадал! В этом холодном крае водятся восемнадцать видов тюленей, а ещё мишки любят полакомиться морскими зайцами. Иногда – ты не поверишь! – и моржам от них достаётся! Вообще в Арктике полно разных животных: и полярные волки, и песцы, и олени, и полярные совы. И это я ещё морских обитателей не перечислила, хотя их великое множество. Растений в Арктике поменьше, и они не такие, к каким мы привыкли: высоченные зелёные деревья да ароматные цветы. Там такого видеть не видели: только мхи да лишайники, а иногда встречаются кустарники высотой метра в два. Представляешь, сколько радости у травоядного, которое неожиданно встречает такой кустик

– это же объедение! Мм-да-с-с, с погодой этому холодному краю не повезло, да и хищников там больше, чем людей в Китае...

Тут Полинка хихикнула и неожиданно подавилась своим смехом – пришлось мне постучать её по спине, после чего сестрёнка продолжила своё увлекательное повествование:

– Но есть то, ради чего я, да и многие люди туда поехали бы: северное сияние. Помнишь, мы с тобой в мае на крыше сидели? Небо тогда прямо как театральная занавеска было: бордово-сиреневое с малиновым, розовым и ещё бог знает какими цветами – у меня это даже в палитру цветов не укладывается! Ну да, у нас в Питере это нечаянно произошло: солнышко постаралось со своими корональными выбросами, представляешь, даже в Феодосии и в Мексике люди сияние видели. А теперь прикинь: в Арктике полярное сияние можно видеть хоть каждый день, особенно весной и летом! Всё небо зелёно-красно-сине-фиолетовым переливается и озаряется ярким светом. Конечно, это не сравнишь с лучами солнышка, но для обитателей Северного полюса ярче и быть не может. Что тебе ещё рассказать об Арктике? На данный момент она полностью не изучена: постоянные снегопады и полярные ночи по месяцу, а то и больше. Да и сама пустыня са-а-мая большая по величине в мире, на её изучение людям потребуется немало лет. Поэтому могу тебе уверенно сказать, что Арктика – одно из самых загадочных мест в мире.

– Ого, не думал, что это холодное место не просто глыба льда посреди огромного океана. Ты победила в споре, профессор всех научных наук! Так хотелось бы там побывать, в этой самой Арктике, побродить с белыми медведями, любуясь северным сиянием... Ну да ладно, всё впереди. Мы с тобой ещё попутешествуем! И раскроем все тайны, в том числе и ледяные! Прямо как известный исследователь Русанов на своём судне «Геркулес»! Согласна?

– Конечно! Ты будешь капитаном, а я – главным исследователем.

– А мама – организатором! Представляешь, как она будет наше судно в дальний путь готовить? Набирает команду, заботится о продовольственных запасах. После долгих сборов наконец подходит к причалу и спрашивает: «Как дела?» А ты ей: «Замечательно! Сегодня не сможем отчалить». Строгий голос мамы: «Причина задержки?» И твой ответ: «Движок барахлит, нужно отремонтировать». Мама едет за запчастями, ищет механика, тот до ночи возится с двигателем и наконец запускает его. Утром новый диалог: «Как дела?» Капитан, то есть ты: «Отлично! Сегодня не выйдем!» – «Причина?» – «Погода плохая. У нас в Питере всегда так: не судно, так погода подводит». Утро следующего дня: «Сегодня не штормит, ветра сильного не наблюдается. Почему не выходите в море?» – «Мост на ремонте, не разводится».

– Какой ты всё-таки пессимист! Когда мы с тобой будем готовы к путешествию в Арктику, всё у нас будет в порядке. И ничто не помешает нам на пути новых открытий, даже мамина помощь. И откроем мы с тобой не одну ледяную тайну! Спорим?

– А то!..

2 место
Алисия МИХАЙЛОВА
17 лет (Москва)

Меня всегда интересовали какие-то мировые тайны и их исследования. Что-то вроде перевала Дятлова. О нём я в своё время прочитал огромное количество книг и статей. Научные и исторические, конечно. Я не терплю никакого художественного вымысла ради красивой и драматичной истории. По той же причине мне не понравился одноимённый сериал.

Но вот моя подруга Сашка совсем не такая. Несмотря на то, что круг интересов у нас примерно одинаковый, её привлекают совсем другие рукописные труды. Её страстью всегда была художественная литература. Особенно такая, где на протяжении всего повествования ведутся какие-то непонятные размышления о вечном. Да и сама она пыталась писать что-то в этом роде. Летящая девушка, что сказать.

Она-то и рассказала мне пару дней назад об исчезнувшей экспедиции Владимира Александровича Русанова. Мы очень долго обсуждали саму личность Русанова, читали о нём статьи в википедии, да и вообще, грубо говоря, культурно обогащались, как могли. И всё было хорошо, пока Сашка не всунула мне какие-то свои рукописи. Сказала, что это наброски её эпистолярного романа по мотивам этой экспедиции. Не обращая внимания на все мои отпирательства, она не только заставила меня забрать их домой, но ещё и взяла честное слово, что я всё прочту. Как говорится, начали за здоровье, закончили за упокой.

И вот я сижу напротив этой тетрадки, и уже предчувствую, как проведу ближайший час в муках и страданиях. Ну что ж, раз уж пообещал, значит надо выполнять.

И я принялся читать.

***

КОЛОКОЛЬНЯ СВЯТОЙ НАДЕЖДЫ

9 июля 1912 г

Моя милая Жаклин,

сегодня наш «Геркулес» вышел из Александровскана-Мурмане. Я искренне рада, что Владимиру поручили руководить этой экспедицией, рада, что он сможет сделать большой вклад в российскую геологию, но больше рада, что могу ехать вместе с ним. Несомненно, в первую очередь этот проект должен привлекать меня как учёного, но я была бы не я, если бы не нашла в этом какой-то своей личной выгоды. Ты же знаешь, в детстве я была жадной до разных историй, а моя матушка была великой сочинительницей. Много раз она рассказывала мне о колокольне Святой Надежды. По её словам, территория там небольшая, и уже много лет царит круглый год зима, а в центре – колокольня. Она людей забирает, но только тех, кто, по её мнению, достоин счастья. В своём девичестве я ужасно хотела её найти, но со временем забыла об этой сказке, как и обо всех остальных. Однако после того, как Владимир был назначен начальником этой экспедиции, она почему-то снова мне вспомнилась, да и не только вспомнилась, но и основательно поселилась в моей голове. Меня преследу-

ет навязчивое ощущение, что она именно там, куда мы направляемся – на острове Надежды, на юге Шпицбергена. Сама посуди, где ещё ей быть, если не там? Теперь мне кажется, что именно туда меня ведут облака, кораблями плывущие под солнцем на свет маяка, туда с нами летят журавли, туда гонит «Геркулес» северный ветер – навстречу счастью. Моему. Нашему с Владимиром. Ах, вот бы Бог сделал меня птичкой, чтобы я в два счёта смогла долететь дотуда и убедиться в своей правоте.

Но что-то я совсем замечталась. К сожалению, мне нужно идти, капитан Кучин зовёт всех на встречу с командным составом, а моё присутствие там как судового врача обязательно. Я напишу тебе позже, когда у меня выдаться свободная минутка.

Твоя Жюльетта

20 июля 1912 г.

Моя милая Жаклин, всё то время, что я тебе не писала, у меня не было ни минуты покоя. 16-го числа наша размеренная корабельная жизнь сменилась сплошными беспокойствами. Когда корабль бросил якорь в бухте Михаэлиса, Владимир ушёл с двумя матросами к Стур-фьорду. Все трое вернулись через пару дней, ободранные в кровь. На обратном пути Владимир поскользнулся и провалился в глубокую ледниковую трещину, он чудом спасся. Завтра я обязательно иду с ним. На судне все смеются и говорят, что одно дело – лечить простуды и ревматизмы, совсем другое – зарабатывать их на холодном ветру, стоя по колени в воде. Но я не слушаю их. Я не позволю своему будущему мужу преодолеть ещё раз этот путь в одиночку. Я знаю, это Святая Надежда проверяет нашу стойкость, присматривается, достойны ли мы счастья. Но она ещё не знает, что вдвоём нам нипочём все преграды. И пусть ветер пожнёт ураган, мы всё равно выстоим. Мой Владимир и холодом льдов, и жарой закалён, а я с ним готова идти на край света босой, лишь бы держать его руку в своей.

Прости, моя милая, мне снова нужно идти. Что-то он совсем раскашлялся. Сейчас посмотрю, что из медикаментов я ещё не испробовала.

Твоя Жюльетта

16 августа 1912 г.

Моя милая Жаклин, столько воды утекло с того дня, когда я писала к тебе в последний раз. На северном берегу Шпицбергена мы нашли заброшенную шведскую промысловую станцию. Несколько лет назад здесь от цинги погибло тринадцать норвежских охотников. На полу валялись куски старой овчины, которыми явно укрывались покойники и которыми, в свою очередь, пришлось укрыться нам. Казалось, что эти рожи ещё пахли предсмертным потом, но выбирать было не из чего. Через силу и боль добравшись до корабля, мы ещё некоторое время провели в Михаэлисе, далее отправились исследовать Ис-Фьорд и Адвентбай и всё западное побережье в целом. К счастью, тогда удача была на нашей стороне: всё прошло более-менее спокойно. Владимир вылечился, открыл богатые местонахождения угля, а к началу августа и вовсе закончил выполнение официальной программы. Проводились также палеонтологические, океанографические и многие другие исследования. Но мне кажется, тебе это будет не так интересно, как факт того, что вскоре мы отправимся на юг

Шпицбергена, где и располагается остров Надежды. Мне кажется, мы прошли все жизненные испытания, чтобы Святая дозволила нам прийти к ней просить счастья. Она вела «Геркулеса» всё время нашей экспедиции, благодаря ей под нашей кожей всё ещё течёт жизнь, и мы живём, как можем, несмотря на все тяготы. Владимир говорит, что идти на юг очень опасно, там по всему морю разбросаны льды. Но я верю, что там, где ветер смешался с водой и мечтой, порвав скалистые шторы, нас найдёт наше счастье. Я попрошу у Святой Надежды и за тебя. Обязательно привезу тебе оттуда медведицу, как ты и хотела, а не понравится – спрячу в рукав, будто волшебница. Конечно, если только она не распорядится нам остаться, как в матушкиных сказках.

Моя милая Жаклин, бумага на судне заканчивается, поэтому это последнее письмо, которое я к тебе пишу. Не сомневайся, мы вскоре увидимся, а коли Святая Надежда

3 место

Роман МОРОЗОВ

16 лет, город Москва

«ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ»

Эта история произошла в начале XX века, а именно в 1911 году, когда наша команда из семидесяти человек решила поплыть к берегам Антарктики. В команде были учёные, исследователи и несколько журналистов, а также команда опытных матросов. Для этого специально построили прочный корабль, ведь дорога была дальняя. Предварительно загрузив на него все необходимые вещи, команда полным составом взойшла на корабль. Вещи были следующие: карты, компасы, палатки, провизия и много воды. Почётные гости пожелали им удачи. Корабль отдал швартовы и медленно, но стремительно поплыл в Антарктику. Корабль поначалу двигался медленно, а когда он вышел в открытое море, поднялся ветер, и корабль поплыл гораздо быстрее.

Первые недели они плыли спокойно. Наслаждались далёкими далями, морским пейзажем и подкармливали чаек. Но когда они вышли в океан, то погода сразу же стала беспокойной. Вода волновалась, и казалось, что скоро начнётся шторм. И, как выяснилось позже, матросы правильно определили приближение шторма. Все члены корабля начали к нему готовиться. Некоторые матросы молились, чтобы всё прошло благополучно. Ведь, как известно каждому, природа никого не щадит. К счастью, стихия их задела по касательной. Корабль осмотрели: он не был повреждён, ведь был сделан из прочных материалов. До Антарктики они доплыли почти без происшествий, если не считать порванного паруса.

Корабль доплыл до Антарктики быстрее, чем рассчитывали учёные, потому что его подталкивал кит, чтобы внести свой вклад в науку. Так шутили матросы шутили, когда наблюдали за происходящим с мачты корабля. Высадившись, они пришвартовали корабль к берегу и перенесли все необходимые вещи. Первые дни экспедиции проходили спокойно. Вся группа исследовала местность на лыжах, а вещи возила на специальных санях. Команда преодолела очень большое расстояние и обошла несколько возвышенностей.

действительно заберёт нас, то знай: я взойду по весне в бесконечных полях Валансоля, лишь дождись цветения лаванды.

Навсегда твоя
Жюльетта

Саика говорила мне, что она только набросала основные части. Обещала, что добавит ещё несколько писем между последним и предпоследним.

Но мне её миниатюрный роман понравился и таким.

Не знаю, была ли у невесты Русанова Жюльетты Жан-Сессин подруга Жаклин и сказочница мама, родилась ли она в Валансоле и действительно ли была верующей женщиной. Но я поверил всему, что было там написано, хоть её рукописи не претендовали на историческую правду. Теперь я действительно надеюсь, что их забрала колокольня счастья.

Однажды утром, когда экспедиция остановилась на привал, один из журналистов заметил, что следы их пути начали исчезать, словно кто-то или что-то старательно их зачищало. Тогда журналист попытался снять это на камеру, но ничего не вышло. Он повторил ещё раз, и вновь ничего не получилось. Мистика какая-то окутала всю местность. Казалось, что в воздухе находится что-то, не имеющее объяснения. Журналист стал догадываться о чём-то паранормальном. Он рассказал об этом капитану экспедиции, но тот ему не поверил, решил, что это игра природы и нерабочая камера, дал приказ сворачивать лагерь и идти дальше. Началась сильная метель, и всем пришлось остановиться. Метель закончилась только под самый вечер, и пространство вокруг было неузнаваемым. Тогда они вспомнили про компас. Достали его, но он им не помог, потому что стрелка его крутилась как у вентилятора. Командир объяснил, что это всё из-за того, что они находятся рядом с магнитным полюсом земли. Команда после его слов успокоилась. Далее они решили воспользоваться картой, но из-за метели рельеф изменился, и карты стали бесполезны. Тогда они решили развести костёр, чтобы хотя бы немного согреться. Костёр горел, они раскрыли палатки, поужинали и легли спать, чтобы на следующий день идти дальше с новыми силами. Проснувшись, они плотно позавтракали, попрощались с привалом и отправились в путь. Но далее их ждало самое ужасное: они заблудились. И никто не мог понять, почему с ними это произошло. Ведь команда состояла из опытных людей. Мистика продолжалась, и вера в неё в глубине души каждого члена команды усиливалась.

На третий день блужданий они увидели вдалеке ледяные сооружения. Вся команда поспешила туда, надеясь найти там местных разумных обитателей, которые помогут вернуться к кораблю. Дойдя до сооружений, они никого не обнаружили на местности, только клоки шерсти. Учёные сделали анализ и пришли к выводу, что тут совсем недавно жил снежный человек. И, видимо, они его спугнули. Вероятно, он почувствовал людей и убежал искать себе новое более безопасное убежище. Команда решила остановиться здесь на какое-то время, чтобы изучить дом снежного человека и жить в нём, потому что он был явно надёжней, чем их палатки. Чтобы найти путь домой, они стали подавать сигналы, но сигналы ни до кого не доходили. Тогда они решили, что здесь какое-то аномальное

место и надо идти дальше, ведь они не могут всё время стоять на одном месте. Так они точно никогда не доберутся до корабля. Команда собрала все вещи и пошла дальше, по пути они увидели вдалеке снежного человека и успели его сфотографировать. Все очень хотели пойти на контакт со снежным человеком, но он этого не захотел. Он повернулся к ним лицом, а потом он резко исчез. Вечерний привал оказался молчаливым, все грустили, несмотря на то, что сегодня им удалось увидеть необычное существо.

Утром на снегу были обнаружены какие-то стран-

ные символы, непонятно кем нарисованные. Да и следов вокруг их лагеря тоже не оказалось. Учёные долго старались расшифровать символы, и у них это получилось. Оказалось, что кто-то в ночи оставил им подсказку, куда дальше идти. Используя все подсказки, им удалось дойти до корабля. Сев на своё судно, они поплыли домой, но по пути заметили красивый и тёплый остров, который решили осмотреть. И настолько сильно им понравилось на острове после льдов, что они решили остаться там навсегда. А на родине все считали их пропавшей экспедицией...

Возрастная категория 19-25 лет

1 место не присуждалось

2 место

Лада МОНК

16 мая 2002 г.р. (г. Владивосток)

«Ж.А.Н. ЖИЗНЬ, АРКТИКА, НАДЕЖДА»

Обледенелые пустоши, куда не ступала лапа зверя или нога человека. Непрístupные моря и проливы, скованные стеклом, угрожающим кораблям оцепенением и медленной гибелью под гущей снега и ледяных осколков. Горящие небесные столпы как знамение, предостерегающие путников... Что могло побудить женщину, самое гармоничное, изысканное, филигранное порождение природы, отправиться покорять лютую стихию, какофонически ревущую жестокими ветрами, снежными бурями и скрежетом ледяных глыб? Что способно было увлечь в далёкое, полное ограничений и лишений странствие не просто женщину, но француженку, творение природы, в чей генетический код, казалось бы, встроены лоск и комфорт? Что это – тот дар, та награда судьбы, ради которой она не побоялась пожертвовать собственной жизнью? Романтика открытого моря? Нетленная слава первооткрывательницы? А может быть, это что-то иное, на порядок выше?

Владимир Русанов и Жюльетта Жан-Сессин познакомились во время обучения в Сорбонне. Жюльетта Жан изучала медицину, но, когда тайн одного из чудес природы, человека, оказалось для её ненасытного исследовательского ума слишком мало, она утвердилась в намерении раскрыть все секреты планеты: госпожа Жан-Сессин освоила специальность геолога. Русанова поражало и восхищало её стремление получить степень доктора естественных наук: ситуация, когда женщина защищала докторскую диссертацию по геологической теме, во Франции начала двадцатого века стала беспрецедентной. Упорство в достижении своих целей и неугасимый первооткрывательский энтузиазм мгновенно сблизили Владимира Русанова и Жюльетту Жан. Он сделал ей предложение и в письмах называл своей женой, однако в действительности они отложили свадьбу, которой так и не суждено было случиться, для приготовления к экспедиции в Арктику. Эта экспедиция стала для них последней.

В 1912 году Русанову поручили возглавить экспеди-

цию на Шпицберген. В решении вопросов, касающихся приготовлений и сборов, полагались на мнение прославленного исследователя: самостоятельно он выбирал и готовил к длительному путешествию судно под именем «Геркулес», соответствовавшем масштабу личностей участников экспедиции; организовывал закупки снаряжения, необходимого в пути; с большим вниманием подбирал и формировал экипаж. Незаменимым членом исследовательской команды была госпожа Жан-Сессин, одинаково хорошо разбиравшаяся в геологии и медицине. Не могло быть и речи о том, чтобы отдать место судового врача иному лицу. В круг задач Жюльетты Жан входили не только заботы о здоровье экипажа в экстремальных условиях. Она принимала участие в экспедиции и вела исследовательскую работу наравне с бывальыми мореплавателями и негибкими, воспитанными трудностями дальних странствий первооткрывателями.

Исследовательские группы под предводительством Русанова не знали неудач. В экспедиции 1912 года на Шпицберген удалось собрать обширные орнитологические, ботанические и геологические коллекции, обнаружить богатые полезными ископаемыми месторождения угля. Но таинственная Арктика одинаково жестока и к проигравшим, и к победителям. Экипаж «Геркулеса» столкнулся с серьёзной природной аномалией: благоприятный для экспедиции с точки зрения погодных условий год сменился продлившимся несколько лет периодом угроз, исходящих от могучих стихий. Судно, принадлежавшее команде Русанова, плотно засело во льдах, и выбраться из них не представлялось возможным. Но надежда не покидала исследователей. Работа на борту «Геркулеса» продолжалась и во время вынужденной зимовки. Известно, что, когда часть учёных группы покинула борт, Жюльетта Жан-Сессин взяла на себя их обязанности. Её не страшила никакая работа.

После того, как материк потерял связь с «Геркулесом», попавшим в ледяной капкан, по следам экипажа неоднократно направляли поисковые группы. Во время экспедиций на побережье Северного Ледовитого океана были обнаружены личные вещи членов исследовательской команды Владимира Русанова. Удалось установить, что некоторые из них принадлежали Жюльетте Жан. Вместе с пуговицами и монетами, производственные метки на которых позволяли определить их французскую выделку, была найдена стеклянная бутылочка. Участники экспедиции, в руки которых попала находка, обманулись

происхождением мадемуазель Жан-Сессин и назвали обнаруженный сосуд флаконом для духов. Позже, при подробном исследовании найденных предметов, выявилась их ошибка: на дне флакона осталось немного лекарственного порошка. Это был один из медикаментов, взятых судовым врачом с собой, когда экипаж «Геркулеса», по всей видимости, покинул судно и вынужденно направился «к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля», как указывал Русанов в подготовленной для отправления на материк телеграмме. Жюльетта Жан, судовой медик, до конца оставалась с Русановым и его исследовательской командой...

Обледенелые пустоши, куда не ступала лапа зверя или нога человека. Непрístupные моря и проливы, скованные стеклом, угрожающим кораблям оцепенением и медленной гибелью под гущей снега и ледяных осколков. Горящие небесные столпы, как знамение, предостерегающие путников... И там, среди грозящих штормами вод и не менее опасных в своей хладнокровной неподвижности массивов льда, Жюльетта Жан. В одном строю с Владимиром Русановым, Александром Кучиным и другими выносливыми, крепкими по природе своей мужчинами, госпожа Жан-Сессин отважно преодолевала любые вызовы Арктики.

Что могло побудить женщину, самое гармоничное, изысканное, филигранное порождение природы, отправиться покорять лютоющую стихию, какофонически ревущую жестокими ветрами, снежными бурями и скрежетом ледяных глыб? Что способно было увлечь в далекое, полное ограничений и лишений странствие не просто женщину, но французенку, творение природы, в чей генетический код, казалось бы, встроены лоск и комфорт? Что это – тот дар, та награда судьбы, ради которой она не побоялась пожертвовать собственной жизнью? Романтика открытого моря? Нетленная слава первооткрывательницы? А может быть, это что-то иное, на порядок выше? Может быть, это... любовь? Любовь, заставляющая женщину, подобно андерсеновской Герде, бесстрашно отправившейся в путь до Шпицбергена, неумоимо следовать по стезе, определенной тем, о ком болит её сердце?

3 место

Екатерина РОКИЦКИ

5 сентября 2000 г.р. (г. Люберцы, Московская область)

«ИСЧЕЗНУВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ»

Арктика встретила его ледяным дыханием. Сергей Петров, геолог с лицом, обожжённым морозом и ветрами, шагал по хрустальной пустыне, где снег искрился, как миллионы алмазных осколков под ярким солнцем. Его сапоги вязли в сугробах, а за спиной гудел ветер – древний страж этих мест, шепчущий на языке трескающихся льдин. Он шёл к скалам, чёрным, как вороново крыло, прорывающимся сквозь белизну.

Сергей, пригнувшись, ворошил ломом наст – хрупкий, как сахарная глазурь. За спиной послышался хруст снега.

– Петрович, ты там хоть что-нибудь нашёл? – голос

Володи, бородача-радиста, пробился сквозь вой ветра. – Час уже ковыряешься! Может, хватит? Ледяные черти всё равно не отдадут свои секреты.

Сергей не отрывался от расщелины. Чёрный камень торчал из сугроба, словно обломок чужого мира. Лом звякнул о лёд.

– Вот же, смотри! – там, под камнем, обёрнутым в лёд, он нашёл её – кожаную тетрадь, скованную инеем, будто сама вечность запечатала страницы. – Дневник. Старый.

Володя присвистнул, поправляя меховую шапку:

– Да ну? Может, беримия какая оставила? Или призрак...

– Призраки не пишут дневников, – Сергей стёр с обложки иней. Кожа потрескалась, но на углу виднелся герб – двуглавый орёл. – Царских времён.

– Тут десятки мореплавателей пропали, – Володя махнул рукой. – Тащи в лагерь, разморозишь у печки. А то замёрзнешь, как мамонтёнок.

Сергей сунул находку в рюкзак, прикрыв свитером – будто прятал живую плоть от холода. Обратный путь казался короче. Ветер рвал лицо колючей сеткой, но под курткой, у груди, тлел жар – не от тела, а от тайны.

В лагере пахло дизелем и талым снегом. Сергей заперся в каюте-контейнере, где стены дрожали от рокота генератора. Вынул тетрадь, оттаял над чайником. Первые страницы поплыли, чернила расплзлись синими жилами.

– Ну-ка, покажись, призрак... – прошептал он, вглядываясь в строки.

За окном Арктика затягивала древнюю песню, а буквы начинали дышать.

Дневник. 10 сентября 19.. года

«...Мы назвали этот залив Бухтой Последней Надежды. Но надежда, как ржавый гвоздь, гнётся под тяжестью льдов...»

Сергей откинулся на скрипучую койку. Генератор захлебнулся, и внезапная тишина оглушила, будто сама вечность прильнула к стеклу, читая через плечо.

Дневник. 15 сентября 19.. года

«...Мы пришли сюда за тайной, а нашли плен. Леды сомкнулись за кормой, как челюсти левиафана. Корабль теперь – наша могила. Но я не жалею. Когда я смотрю на эти бескрайние просторы, где небо сливается с землёй в серебряном тумане, я чувствую, будто прикоснулся к краю мира. Здесь даже время замерзает...»

Сергей отогревал страницы дыханием. Из-за расплывшихся страниц буквы плясали, словно пытались сбежать из плена бумаги.

Дневник. 23 октября 19.. года

«...Сегодня нашли угольный пласт. Самойлов, наш геолог, плакал, обнимая чёрные камни. Но радость – хрупкий лёд. Ветер с востока принёс пургу. Судно скрипит, как живое. Я пишу при свете коптилки, а за стеной воет тьма. В кармане – её старое письмо. Она пишет о яблонях в саду. Даже после её смерти я не переставал таскать это письмо всегда с собой в нагрудном кармане. Иногда мне кажется, её голос звучит в свисте ветра...»

Сергей прижал ладонь к стеклу иллюминатора. За ним

плясали сполохи северного сияния – зелёные призраки, затягивающие в свой хоровод.

Дневник. 27 октября 19.. года

«...Запасы тают. Сухари крошатся в труху, солонина пахнет смертью. Сегодня Алексей и Василий подрались из-за щепотки сахара. Мы больше не учёные – стая волков, загнанных в ловушку. Но я продолжаю вести записи. Если кто-то найдёт этот дневник... Пусть узнают, что здесь, под вечными льдами, бьётся сердце земли. Мы нанесли на карту пролив, которого нет ни в одном атласе. Он будет назван её именем...»

Страницы дрожали в руках Сергея. Он вглядывался в подпись – неразборчивые буквы, стёртые временем. Кто ты, безмянный мечтатель? Чей образ согревал тебя в эту стужу?

Дневник. 8 ноября 19.. года

«...Они начали видеться. Сначала Самойлов сказал, что заметил огни на горизонте. Потом Василий клялся, будто слышал колокола. Сегодня я сам увидел. Она шла по льду в платье цвета весеннего неба, смеялась, звала за собой. Я знаю – это мираж. Голод рисует картины на холоде. Но я вышел за борт. Шёл, пока ноги не онемели. Она исчезла, оставив меня среди белого ада...»

Сергей почувствовал, как мурашки побежали по спине. За окном вахтового домика выл ветер – тот же самый, что выл столетие назад.

Дневник. 23 ноября 19.. года

«...Сегодня снился сон. Я стоял в огромном зале, где

люди в белых халатах рассматривали наши карты. Они говорили: «Русанов... Его открытия изменили всё». Кто такой Русанов? Разве не я здесь, не мы? Проснулся с мыслью, что время – это река, а мы – льдины в её течении. Может, когда-нибудь наши следы сольются...»

Сергей вскопчил. Русанов? Но экспедиция Русанова пропала без вести. Неужели это его дневник? Он лихорадочно перелистнул страницу.

Дневник. Последняя запись

«...Льды тронулись. «Геркулес» умрёт завтра. Мы идём на юг, таща сани с припасами. Я вернусь. Даже если стану ветром или северным сиянием. Наука найдёт этот дневник. И тогда...»

А дальше – пустота. Последний лист вырван, будто сама судьба оборвала рассказ на полуслове.

Сергей закрыл тетрадь. За окном арктическая ночь раскинула звёздную паутину. Он вышел наружу, прижимая дневник к груди. Северное сияние колыхалось над головой, как занавес между прошлым и настоящим.

– Ты сдержал слово, – прошептал он в пустоту. – Мы нашли тебя.

Ветер подхватил его слова, унёс в темноту, где зелёные сполохи вдруг вспыхнули ярче – будто незримая рука провела по небесному полотну.

А на краю льдины – там, где тень встречалась со светом, мелькнул силуэт: человек в старинной шубе, обернувшийся на миг, прежде чем раствориться в сиянии.

P.S.

Теперь ты знаешь, что они не исчезли. Они стали частью ветра, льда и света – вечных спутников Арктики.

Валерий АНИШКИН

Даша и Фархат

(из книги «Потерявшиеся в России»)

Фархат лежал навзничь с закрытыми глазами на узкой койке с тоненьким ватным матрасом у окна. В обшарпанной палате с облупившейся синей масляной краской на стенах стояло ещё пять кроватей. Кто-то лежал, кто-то, судя по разобранному постелям, гулял где-то по коридорам. Даша взяла стул, стоявший возле дверей, и села в изголовье койки Фархата. Был он бледен. Один глаз заплыл лилово-синим подтёком, на распухших губах запеклась кровь. Фархат открыл глаза. Увидев Дашу, он вымученно улыбнулся и сделал попытку приподняться.

– Лежи, лежи! – мягко сказала Даша, нашла его руку, и он в ответ сжал её ладонь.

– Кто тебя, Фархат? – спросила Даша

– Ваши расисты, – нахмурился Фархат.

– Скинхеды? – уточнила Даша.

– Говорят, что так, – согласился Фархат.

– За что?

– За что убивают расисты? Ни за что. За то, что у меня другой цвет лица.

– Где это случилось? – Даша хотела знать всё.

– Я хотел купить цветы. Мне сказали, что лучше сходить на рынок. Здесь же близко. В сквере ко мне подошли четверо молодых здоровых парней. Из рукавов они вытащили короткие дубинки. Один сказал: «Ну что, черномазый? Дома не сидится? В Россию потянуло? Из-за вас, жидов, русскому человеку жизни не стало». Я сказал, что я не еврей и не черномазый, а араб». «Какая разница? Не еврей, так «азер». Россия – для русских» Ты знаешь, Даша, я почувствовал такую злость, что весь мой страх растворился в ней. Я дрался с ними и больше всего боялся упасть. Но четверо молодых здоровых и натренированных подонков не оставили мне никаких шансов. Когда я упал, они стали бить меня ногами. Я закрывал лицо, но мне доставалось по голове. А потом я ничего не помню. Очнулся уже в машине скорой помощи. – Фархат устало закрыл глаза и с минуту молчал. Потом сказал:

– Знаешь, мимо проходили люди, и никто из мужчин не остановился, не говоря уже о том, чтобы вмешаться. Только какая-то женщина закричала и стала звать милицию. Дальше я уже ничего не помню.

– Надо заявить в милицию, – решила Даша. – Эти скинхеды обнаглели. А власть, похоже, глаза закрывает. Среди бела дня людей убивают, а куда милиция смотрит, непонятно.

– Даша, – Фархат словно пропустил её слова мимо ушей. – Я дам тебе телефон. Сообщи в моё посольство. Я завтра с утра должен быть в Москве. Меня будут искать. Расскажи им всё.

– Не беспокойся, милый, я всё сделаю, как скажешь.

Даша всхлипнула и полезла в сумку за платком.

– Ну-ну! Всё хорошо. Я ведь жив, – Фархат стал успокаивать Дашу.

– Голова болит? – заботливо спросила Даша.

– Немного. Когда поднимаю голову или поворачиваюсь, рёбра болят – дышать трудно... Ничего, до свадьбы заживёт, – попытался шутить Фархат.

– Фархатик, я теперь тебя никуда не отпущу, – голос Даши дрогнул, и она еле удержалась, чтобы не зареветь. – Я завтра утром приду. Отпрошусь с работы и приду. Что тебе принести? Чего ты хочешь?

– Если только соку. А так ничего не надо... Деньги и документы, слава Аллаху, целы. Возьми в тумбочке. Там доллары. И возьми визитку с телефоном посольства.

Деньги Даша не взяла, нашла визитку с золотым тиснением, поцеловала Фархата и пошла искать дежурного врача. Врач, полный, с виду добродушный мужчина средних лет, сидел в ординаторской, пил чай и смотрел телевизор. Раньше Даша, когда ей случалось приходить в больницу к Лене, его не видела.

– Здравствуйте, – поздоровалась Даша. – Я знакомая Фархата Хафида, араба, которого привезли с сотрясением мозга.

– Да, – врач оторвался от телевизора и внимательно посмотрел на Дашу. – И что же вы хотите?

– Простите, как вас зовут? А то как-то неудобно. Я разговариваю, не зная вашего имени.

– Семён Моисеевич, – назвал себя дежурный врач. – Больной не тяжёлый, хотя недельки две ему придётся полежать. Рёбра срастутся, синяки и ссадины скоро пройдут. Если бы не сотрясение, можно было бы через недельку выписывать. А так ещё полежит.

– Семён Моисеевич, там проветрить бы палату нужно. Я попробовала, окно не открывается.

– Правильно, не открывается. А как оно откроется, если забито?

– Зачем забито? – удивилась Даша.

– Так сигают со второго этажа.

– Как это «сигают»? – у Даши даже глаза округлились.

– А весной один больной сиганул. К нему дружки пришли пьяные. Он под капельницей лежал. Они ему говорят: «Брось придуриваться. Там кореша заждались, а ты тут с трубкой какой-то лежишь». Отсоединили капельницу. Сестра вовремя заметила. Дружков этих вытурили, дверь в отделение на ключ закрыли, а больной оделся – и в окно... Некоторые больные держат одежду в палате. Здесь всех, которые ходячие, отпускают на субботу и воскресенье домой. Ну, помыться, то да сё.

– И что больной? – поинтересовалась Даша.

– Руку сломал. А мог бы и голову. Привезли-то его с синдромом сильного алкогольного опьянения. А чуть отошёл, водкой поманили, он бы и с пятого этажа сиганул. Ну и отправили его в травматологию. Нам-то он зачем?

– Так что ж, теперь противогазы надевать? – возмутилась Даша. – Воздух спёртый... как в солдатской казарме.

– Зачем? На это фрамуга есть.

– Так до неё не долезешь. Стремянку нужно ставить.

– А верёвка?

– Да нет там верёвки никакой.

– Да? – в свой черёд удивился Семён Моисеевич. – Я и не обратил внимания. – Надо сестре-хозяйке завтра сказать... Так чем я могу быть полезен? – повторил вопрос Семён Моисеевич.

– Семён Моисеевич, Фархат Хафид – иностранец. В наш город он приехал всего на пару дней, и вот видите, что случилось? Завтра он должен быть в Москве. Его будут ждать. Сегодня я, кстати, буду звонить в их посольство.

– И что? – насторожился Семён Моисеевич.

– А то, что его можно было бы поместить в более приличные условия, а не в палату на шесть человек.

– А чем это ваш Фархат лучше других? – вдруг обиделся Семён Моисеевич.

– Может быть, и не лучше, но он всё же иностранец и наш гость. К тому же, он ваш коллега, врач. В Москву приехал за медицинским оборудованием для своей клиники.

– Прошли те времена, когда мы перед иностранцами стелились. Для них все условия: гостиницы, кондиционер, икра. «Добро пожаловать, ваша иностранная значимость!» А мы как хотим. Вот пусть посмотрит, как нашему человеку жить и болеть приходится!

– Так теперь, что? «Россия – для русских?», «Бей черномазых?»

– Только не надо, а? Вот этого не надо! Тоже мне, нациста нашли... В больницах ни ваты, ни бинтов, ни медикаментов. Шприцы с иглками кипятим для многократного использования. Вот и пусть иностранный врач на своей шкуре испытает наше житьё.

Даша решила не продолжать бессмысленный разговор и повернулась, чтобы уйти.

– Я не могу решить этот вопрос сам, – догнал её голос Семёна Моисеевича. – Завтра утром придёт заводчелением, и я ему доложу. Лично в мои планы не входит обижать вашего араба.

Попрощавшись, Даша было ушла, но что-то вспомнила, и уже в дверях обернулась:

– Семён Моисеевич, у него в тумбочке доллары и заграничный паспорт. Вы бы положили куда-нибудь в сейф. А то мало ли что? Я смотрю, у вас в отделении проходной двор.

– Ну, знаете! – вспыхнул Семен Моисеевич. – Это вы главврачу скажите. Лечащий врач копейки получает. Нянечек не хватает, потому что за такие деньги никто в няньки идти не хочет. Да кто вы такая? – возмутился Семён Моисеевич. – Ходят здесь, указывают.

Но Даша уже шла по коридору. Напряжение, в котором она находилась последние несколько часов, вдруг отпустило её, и она теперь чувствовала только усталость и пустоту в душе. Она вспомнила, что сегодня не обедала, всё ждала звонка. Потом она вспомнила свой разговор с Семёном Моисеевичем, и ей стало стыдно за то, что своё раздражение она вылила на рядового врача, своего коллегу, который меньше всего был виноват в том, что творилось в больнице. Её больница ничем не отличалась от этой и многих других. Поликлиники и больницы являли собой жалкое зрелище. Облупленные стены, подтёки на потолках, разбитые тумбочки и убогие кровати, которые покупались раз и навсегда. Туалеты – это вообще особый разговор. Как говорила Лена: «Нашим больным после выписки можно давать разряд по акробатике». Мало влезть с ногами на

унитаз, ещё нужно удержаться на его тонких стенках. В некоторых туалетах стали прикреплять к стенам что-то вроде поручней, чтобы больному легче было балансировать. «Господи, да у нас почему-то все общественные туалеты приспособлены именно к ногам, а не к тому месту, которое и должно размещаться на унитазе», – усмехнулась Даша. И где это видано, чтобы больной приходил в больницу со своими бинтами, шприцами, а его родственники бегали по аптекам в поисках лекарств, которые назначал лечащий врач! И кому нужна тогда эта наша хваленая бесплатная медицина? А зарплата? Больные обижаются, что врачи не всегда внимательны к пациентам, обвиняют в равнодушии и отступлении от клятвы Гиппократова. А врач получает 280 тысяч рублей. И это при прожиточном минимуме в четырёхста тысяч, на которые тоже невозможно прожить. Напомним, что события происходят в России 90-х годов

С этими невесёлыми мыслями Даша ехала домой. Пока она шла от автобусной остановки, всё придумывала, как сказать родителям про Фархата, но неожиданно для себя всё выложила прямо с порога. Сказала, что его избила какая-то шпана, что он лежит в больнице и что она любит его и собирается за него замуж. Родители выслушали дочь молча, только отец ошарашенно хлопал глазами, а мать всхлинула, зажала рот рукой-горсточкой и ушла на кухню.

– Сильно избили? – спросил наконец отец.

– Сильно. Сотрясение мозга, рёбра сломаны.

– Ну, хоть в сознании?

– В сознании. Говорят, ничего опасного для жизни нет, но полежать придётся.

– Ах, подонки! Что ж это за мразь такая? Как же можно живого человека просто так взять и избить. Человек, можно сказать, с дружественным визитом к нам приехал. Что про нас люди скажут?

Василий Никифорович нервно курил папиросу, делая глубокие затяжки, и табачный дым шёл из носа и изо рта, как пар из ноздрей рабочей лошади в морозную погоду.

– А что про нас скажут? – зло выкрикнула Даша. – Все и так знают, что у нас человека убить, что муху прихлопнуть. И убивают за просто так. А ты говоришь – избить. Вспомни, как в гостинице «Шипка» пятерых охранников застрелили. А в баре «Фея»? В директора двадцать пуль выпустили! Будто человеку одной мало. Ну, это, допустим, их бандитские разборки. А Полукарову с десятилетним ребёнком за что? Матери нанесли четырнадцать ранений в область сердца, а у мальчика – двадцать семь колотых ран. Я видела их трупы... Это же садисты, изуверы. Их тоже убили скинхеды... Но убитые-то русские, которые не имели ни капли еврейской, кавказской или африканской крови. Значит им всё равно кого убивать. Фархату просто повезло, что остался жив...

– Ты не расстраивайся, дочка. Жив твой Фарад и слава богу! Значит обойдётся.

– Фархат, – поправила Даша.

– Ну, Фархат, – согласился Василий Никифорович.

– Идите ужинать, – голова Галина Михайловна просунулась в дверь.

Они сели за стол, и только теперь Даша поняла, как она голодна. Ужинали молча, иногда перекидываясь незначительными словами. После ужина Даша позвонила Лене.

– Не беспокойся, я всё сделаю! – пообещала Лена, когда Даша рассказала ей про Фархата. – Я его возьму в свою палату.

Потом Даша набрала код Москвы и номер телефона посылства, который дал ей Фархат...

Утром, за завтраком, Василий Никифорович вдруг спросил:

– Дочка, в какой больнице твой араб лежит?

– Зачем тебе? – насторожилась Даша.

– А мы к нему сегодня в больницу пойдём, – объявила мать.

– Зачем? – испугалась Даша.

– Как это зачем? – у Василия Никифоровича приподнялись брови. – Человек в чужом городе, один. Ни родных, ни близких. Лежит покалеченный. Мы что, не люди? Это тогда получится, что мы не лучше тех, которые его били.

– Мы ему бульончика куриного сварим. Ему сейчас бульон хорошо. Да блинчиков напеку, горяченьких, – с удовольствием проговорила Галина Михайловна, и лицо её источало слезы.

Щёки Даши покрылись румянцем, и она, скороговоркой объяснив родителям, как найти Фархата, поспешила выйти из-за стола...

В больницу Даша смогла вырваться только к концу рабочего дня. Заменить её было некем, отменить приём она не могла и работала весь перерыв, выкраивая этот час, чтобы уйти пораньше.

В отделении Даша сначала нашла Лену. Лена сидела в ординаторской и заполняла медицинские карты. Кроме неё в ординаторской находилась пожилая врачиха в очках и Семён Моисеевич, с которым Даша чуть повздорила накануне. Врачиха в очках кивнула, не поворачивая головы в сторону Даши, а Семён Моисеевич доброжелательно закивал головой: «Здрате, здрасте». При этом лицо его расплылось в доброжелательной улыбке.

– Ну и переполоху наделал твой Фархат, – затараторила Лена, когда они вышли в коридор. – Из администрации приходили, главврач приходил, из милиции приходили. И сейчас какой-то майор сидит, правда, не из милиции.

– Как он? – спросила Даша, пропуская Ленкину скороговорку мимо ушей.

– Нормально. Ничего страшного. Через пару недель выпишем. Его взял к себе заводделением, но ты не беспокойся, я к нему тоже захожу... Ладно, Даш, я пойду, а то вон шеф ходит злой. Звони.

И Лена скрылась в ординаторской.

Фархата перевели в другую палату. Здесь условия были получше. Кроме него в палате лежал ещё один больной, хотя палата была рассчитана на три места. Третья кровать, заправленная чистым бельём, пустовала. В углу, у дверей, стоял однокамерный холодильник «ЗИЛ», марка, популярная лет десять назад. Тогда за этими холодильниками народ выстаивал огромные очереди и приобрести его можно было только по предварительной записи. «Господи, за чем мы только не стояли! – подумала Даша. – За коврами, за гарнитурами, за стенками, за сапогами». Даша помнила, как тогда ещё живая бабушка раз в месяц вставала в пять часов утра и ехала к универмагу, чтобы отметить свою очередь на ковёр. Она очень хотела, чтобы у её внучки над кроватью висел ковёр. Тот, кто проспал или прозевал день учёта, безжалостно вычёркивался из списка, потому что список вёлся и оглашался активистами из самой очереди, и чем больше «записантов» не являлось в назначенный день переключки,

тем ближе очередь приближалась к заветной цели. Активист выкрикивал в толпу фамилию, и если происходила небольшая заминка, потому что «записант» не услышал свою фамилию или её искажил активист, толпа дружно кричала: «Вычёркивай, нету!»

Палата выглядела уютно. Здесь было всё чисто и опрятно. И новые вафельные полотенца на спинках кроватей, и белое бельё, а не серое, как в других палатах, хотя и обезображенное чёрным больничным штампом. Даша невольно бросила взгляд на окно. На фрамуге висела добротная верёвка, за которую смело можно было тянуть, чтобы фрамуга открылась. «Некрасиво, но надёжно. Уж эта точно не оборвётся», – усмехнулась Даша.

Фархат лежал с открытыми глазами, лицо его было оживлённо, и Даше показалось, что через смуглую кожу его лица проступает подобие румянца. При виде Даши Фархат заулыбался. У кровати больного сидел лысоватый майор.

– Вы к господину Хафиду? – увидев, что Даша замялась, сказал майор. – Проходите, я уже закончил и ухожу.

Он закрыл блокнот, положил его в карман кителя и встал. У дверей он обернулся, словно вспомнил, и попросил:

– Вы потом зайдите, если вас не затруднит, в кабинет заводделением. Буквально на минуточку.

– Что он хотел? – обеспокоенно спросила Даша, когда майор вышел.

– Да так, ничего. Интересовался, какие у меня дела в России, по какому вопросу я приехал сюда. Так, ерунда всякая.

– И что ты сказал?

– Сказал, что приехал повидаться со своим институтским товарищем. Он спросил, кто этот товарищ. Я сказал... Но это ведь не секрет? – вдруг забеспокоился Фархат. – Я тебя подвёл? У тебя могут быть из-за меня неприятности? Я знаю. У нас в Тунисе тоже есть такая служба. Они следят за благонадёжностью граждан и ловят шпионов.

– Успокойся, Фархат. Это раньше у меня действительно могли быть неприятности. Но у нас произошли большие перемены. Сейчас мы уже другая страна. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

– Спасибо. Уже хорошо. Я даже немного сидеть могу. И я счастлив, Даша. Я познакомился с твоими родителями. Они очень хорошие люди, Даша. Они принесли мне, я забыл, как это называется, ваши тонкие лепёшки.

– Блины.

– Да, блины. Даша, теперь ты выйдешь за меня замуж?

– Да, Фархат.

Фархат сиял. С заплывшим глазом и распухшими губами, растянутыми в подобии улыбки, он казался беспомощным, и Даша чувствовала больше, чем когда-либо, и понимала, что любит этого человека, и в душе её теплом разливалась нежность...

Когда Даша постучалась и вошла в кабинет заводделением, тот поспешил выйти.

– Присаживайтесь, – показал на кресло майор. Он чувствовал здесь себя хозяином. – Вас ведь зовут Дарья Васильевна? – уточнил майор, когда Даша опустилась в удобное мягкое кресло. – А с господином Фархатом Хафидом вы учились в Воронежском медицинском институте?

Даша кивком подтвердила его слова.

– А какие у вас отношения с господином Хафидом? Он ведь именно к вам приехал?

– А почему это вас интересует? – вспыхнула Даша. –

Мои отношения с кем бы то ни было никого не касаются.

– Нас всё интересует, – строго заметил майор. – Впрочем, вы можете не отвечать. Мы догадываемся.

Даша промолчала. Но в душе поднималось раздражение против этого лысеющего человека с холодными глазами. Разговор был больше похож на допрос.

– Мы ничего не имеем против ваших отношений, но из-за этого иностранно подданного возникли проблемы. В эту неприятную историю втянуты местные власти, об этом стало известно нашему посольству... В посольство чужой страны звонили вы?

– Об избииении нашего зарубежного гостя в нашем городе сообщила я по просьбе пострадавшего, – с вызовом отрезала Даша, подаваясь вперёд и сильнее сжимая кистями рук подлокотники кресла.

– В таких случаях советуется с органами, – невозмутимо сказал майор.

– В таких случаях советуется с родителями, – в тон ему ответила Даша.

– Так вы что, собираетесь за него замуж? – в голосе майора чувствовалась ирония.

– А вот это уже вообще не ваше дело, – Даша всё больше злилась.

– И, конечно, уедете с ним в Тунис? – майор никак не реагировал на раздражительный тон Даши.

– Если выйду замуж, то конечно уеду, – прямо ответила Даша. – А что?

– Да ничего особенного. Просто всё это может иметь для вас нежелательные последствия. Для дальнейшей карьеры, например. Мало как обернётся! Многие уезжают и возвращаются.

– Это вы мне угрожаете? – тихо спросила Даша.

– Да что вы? Избави Бог! Я по-отечески предостерегаю вас от необдуманного поступка. Тем более что поступок ваш непатриотичен. Покидать Родину, когда в ней происходят такие коренные перемены! Очень непатриотично. Такая женщина достойна лучшего. Что у нас своих мужчин мало? И чем наши хуже? Нет, вам иностранца подавай, хоть зачуханного, но иностранца.

– Ну, знаете! – Даша задохнулась от возмущения. – Я не

хочу больше с вами разговаривать. Если есть вопросы по существу, задавайте. А это чёрт знает что такое!

– А у меня нет к вам вопросов. А поговорить с вами и пробудить в вас чувство уважения к Родине я обязан не только по долгу службы, но и как патриот своей страны.

– Я свободна? – Даша встала.

– Конечно. Идите. Но подумайте ещё раз над тем, что я сказал.

«Ничего не изменилось!» – подумала Даша. Но она ошибалась. Изменилось многое. И этот разговор с майором не имел для неё никаких последствий. А ещё лет десять назад всё могло иметь совершенно другой, может быть, даже трагический поворот...

Дома у Даши с родителями состоялся разговор, который носил спокойный, даже какой-то деловой характер.

– Дочка! Ты его любишь? – спросила мать.

– Да, люблю, мама! – Даша уже не испытывала никакой неловкости от этого вопроса, может быть, потому, что решение её стало твёрдым, и она решила всё для себя.

– И что ты решила?

– Я выхожу за него замуж.

Воцарилось молчание, во время которого отец сосредоточенно курил, а мать теребила край передника.

– Выходи, дочка! – тихо сказала мать, и видно было, что ей тяжело даются эти слова. – Он, по всему видно, хороший человек... А ты что молчишь? – повернулась Галина Михайловна к мужу. – Скажи что-нибудь.

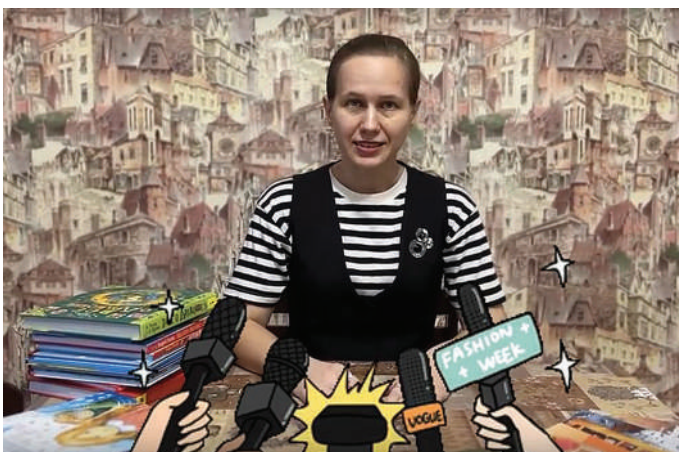
– Препятствовать не стану. Выходи, коль любишь. Это главное... И уезжай, хуже не будет. А здесь, видно, счастья нет. Видишь, что твориться стало? Зверь и то нападает, когда есть хочет, а чтоб человек человека за просто так убивал!.. Это уже Армагеддон какой-то...

– Ладно, отец! Раскаркался! И труднее были времена – выжили. Бог даст, и сейчас не пропадём. А ты уезжай, дочка. Бери своего араба и уезжай! Только нас не забывай. – Галина Михайловна всхлипнула. Даша не выдержала наконец и, бросившись к матери, дала волю слезам.

Василий Никифорович смотрел на них исподлобья и, сдвинув брови, молчал, не пытаясь останавливать. Он понимал, что после их бабьих слёз, наступит облегчение и покой.

Ребёнок воспитывается на примере

Член Союза российских писателей Ольга АРИСТАРИНА выступила в качестве эксперта в Первом сезоне серий видеоподкастов «ЛИГА ЧТЕЦОВ-91».

Ольга Аристарина рассказала о том, как стала писателем, о своём творчестве и дала советы юным орловцам, какие книги им стоит прочитать в первую очередь.

Проект иллюстрирует построение доверительных отношений в рамках формирования и развития образовательного альянса «Педагог–Родитель–Ребёнок», иллюстрирует взаимодействие между педагогическими работниками, экспертами и родителями с учётом интересов и предпочтений детей.

«Мы создаём ту самую систему ценностей, где доверие родителей усиливает авторитет педагога, интерес ребёнка обогащает родительский опыт, а обмен между семьями создаёт то самое «согласованное целое» – крепкое, просвещённое и дружелюбное образовательное пространство. Семейные ценности создают прочный фундамент внутрисемейных отношений и основу семейного воспитания», – рассказала автор проекта Екатерина Рогачёва.

Продолжаем пристально изучать регионы России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Смоленскую область, где летом мы посетили усадьбу Грибоедовых. Советуем присоединиться.

ХМЕЛИТА : УСАДЬБА ГРИБОЕДОВЫХ

Смоленщина – край родовых дворянских гнёзд, хранящий атмосферу дореволюционной России. К концу XVIII века здесь насчитывалось более 3 400 усадеб. К сожалению, в настоящее время большинство из них утрачено в ходе разрушительных войн и банальной человеческой халатности, а из числа оставшихся музеефицированы всего три. И усадьба Грибоедовых в селе Хмелита – одна из них.

Русская усадьба как синтез архитектуры, природы, садово-паркового искусства, музыки, живописи, театра и народной культуры формировала духовный мир нескольких поколений русской интеллигенции. На этой усадебной культуре был воспитан и А.С. Грибоедов.

Имение Хмелита перешло к Грибоедовым в 1670-х годах. Хозяйство расширилось за счёт присоединения окрестных деревень и пустошей, увеличения господских наделов за счёт крестьянских мест, оброка и барщины.

К концу XVIII века хлеб из грибоедовского имения стали поставлять в Петербург. Крестьяне Хмелиты производили сельскохозяйственную продукцию и промысловые изделия на продажу на ярмарках и торжках в Вязьме, Сычёвке и крупных сёлах. Некоторые крестьяне приобретали землю в собственность, арендовали мельницы или строили небольшие предприятия, что говорит о признаках зарождающейся сельской буржуазии.

При деде будущего драматурга Фёдоре Алексеевиче

Александр Сергеевич Грибоедов

лаженным хозяйством унаследовал сын Алексей Фёдорович, а дочерям достались имения в других губерниях.

По воспоминаниям современников, Алексей Фёдорович был знатным кутилой, привыкшим жить на широкую ногу. Привычный уклад жизни он привнёс и в размеренные сельские будни. При Алексее Фёдоровиче в Хмелите всегда было шумно и хлебосольно. В усадьбе была обустроена картинная галерея, действовал собственный театр, в котором играли крепостные актёры и музыканты, а также хор цыган.

К Грибоедовым съезжались многочисленные родственники и соседи: Шереметевы, Нарышкины, Уваровы, Одоевские, Лыкошины, Барышниковы,

Хомяковы и многие другие громкие фамилии того времени.

Частым гостем в доме дяди был и Александр Сергеевич, который проводил там каждое лето, вплоть до окончания Московского университета.

Напомним читателям, что «Горе от ума» или в первоначальном варианте «Горе уму» – единственное законченное произведение А.С. Грибоедова. Однако до сих пор оно активно анализируется и исследуется специалистами. Кто-то видит в нём бытовую драму на примере московского общества того времени, а кто-то идеологический манифест прогрессивного дворянства. Есть и те, кто считает Грибоедова автором одного произведения, вовремя предложившем светскому обществу провокационно-политизированный сюжет, который, несомненно, интересен и в наше время.

Многие современники считали, что прототипами героев пьесы послужили реальные люди из ближайшего окружения Грибоедовых. В Фамусове видели дядюшку Александра Сергеевича – Алексея Фёдоровича Грибоедова, хозяина Хмелиты; в Скалозубе – генерала Ивана Паскевича, зятя Алексея Фёдоровича; в Чацком – декабриста Ивана Якушкина, троюродного брата Александра Сергеевича.

Одной из основных статей дохода усадьбы стал лён. Также при усадьбе были фруктовые сады, где выращивали яблоки, сливы, вишни, груши. Экзотические виды фруктов выращивали в усадебной оранжерее.

Большое внимание хозяева уделяли и разведению скота.

В усадьбе действовал лесопильный, кирпичный, маслобойный завод. Работала кожаная артель, кузница, столлярная мастерская.

9 мая на праздник Николы Вешнего в Хмелите проходила традиционная ярмарка. Возводились торговые ряды, где ремесленники и торговцы выставляли свои товары: гончарные изделия, обувь, ткани, игрушки и украшения.

Грибоедове в усадьбе сносят все деревянные постройки и возводится каменный дом с четырьмя флигелями, оградой, регулярным парком, конным заводом с манежем, цветниками и копаными прудами. Также при усадьбе была возведена церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Дополнить неизвестно, кто стал архитектором господского дома, выстроенного в стиле елизаветинского барокко, но очевидно работал опытный мастер. Отдельного упоминания достойны интерьеры усадьбы, богато украшенные лепниной, мрамором, декоративной росписью, изразцовыми печами.

Ф.А. Грибоедов умер в 1786 году в Москве, оставив после себя внушительное наследство. Хмелиту с её прекрасно на-

Волна великих потрясений, прокатившихся по стране, не обошла стороной и Хмелиту. После революции усадьба была национализирована, и хозяевам в спешке пришлось покинуть место, уже ставшее родовым гнездом.

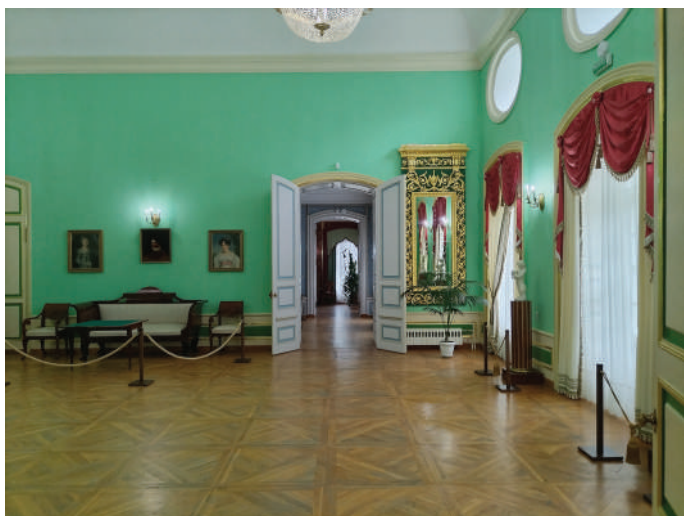
Неизвестно, как бы в дальнейшем сложилась судьба бывшего дворянского имения, если бы в конце 60-х здесь

Усадьба в 1912 г. Фото с сайта: pastvu.com

не появился архитектор П.Д. Барановский вместе со своим учеником В.Е. Кулаковым, которые взялись за восстановление Хмелиты. В 1970 году в связи с 175-летием со дня рождения А.С. Грибоедова усадьбе был присвоен статус памятника федерального значения.

Реконструкция заняла без малого 25 лет. За это время умер Барановский, распался Советский Союз, новую Россию сотрясали социальные катаклизмы, но в 1995 году усадьба вновь распахнула свои двери. В многочисленных комнатах была воссоздана обстановка «грибоедовской» эпохи.

В Хмелиту потянулись туристы, театральные труппы, съёмочные группы, участники традиционных «Грибоедовских чтений» и даже бывшие владельцы. Через Союз архитекторов Виктор Кулаков сумел организовать приезд в Россию Владимира Владимировича Волкова-Муромцева. На встречу Виктор Евгеньевич пригласил местных жительниц, среди которых была баба Марюта, женщина, чей возраст был неизвестен даже ей самой. Оглядев заморского гостя, она неожиданно выдала: «Владимир Владимирович, а я хорошо помню, когда ты родился и как тебя крестили». И, как вспоминал Кулаков, «рафинированный дворянин разразился слезами, пал на колени перед Марютой и принялся целовать ей руки».

Хмелита прекрасна в любое время года, но осенью здесь царит особая атмосфера. Успейте застать пору вдохновения поэтов в этом удивительном месте!

300-летние исполины охраняют историческую усадьбу

Анастасия АГОШКОВА

СТАРЫЙ ПАРК, КАЧЕЛИ, ОСЕНЬ...

***

Я не умею тебя не любить, прости.
Каждый твой вдох – это слово в моей горсти
(я их дарила так щедро, так горячо).
Время течёт, но оно сквозь меня течёт.
И не меняется имя, сюжет, финал...
Ты не читал меня, славно, что не читал, –
я сохраню тебя в каждой своей строке.
Может потом, в безвременье, на реке,
той, где слова бессмысленны и тихи,
ты не монету отдашь, а мои стихи.

***

Прости меня...
Прости меня.
Прости.
Я не сумела никого спасти:
тебя, себя, октябрь уходящий.
Я так привыкла жить ненастоящим
и темноту внутри себя растить.
Ни этот день, ни тысячи других
не станут утешением, но их
я вспомню, может быть, уже за краем.
Вчера был снег, сегодня он растаял,
сегодня был предзимья голос тих
и слаб, и, не набравши оборот,
застыл. Седой старухой у ворот
глядит зима, не отворив калитки –
так собирают поутру пожитки,
но продолжают ждать иной исход.
Так продолжают верить в чудеса:
теплей не будет, нечего спасать,
но по привычке расправляешь плечи
и шепчешь "станет легче, легче, легче..."
И наконец-то веришь в это сам.

***

Считай меня пропавшей в этой мгле –
ведь не могла же я тебя оставить.
А значит, рано утром, на заре
вернусь, чтоб чайник на плиту поставить,
залезть под одеяло (холода),
и греть свои ладони ледяные
в твоих. И даже наше "никогда" –
всего лишь звуки: лишние, пустые.
Считай, что я приду. Не может быть
иначе. Кто бы выдумал такое?
Ведь не могла же я тебя забыть.
Я помню, в этом доме были двое.

Я помню... В этом доме тишина
и свет, неяркий свет горит повсюду...
Сквозь годы, города и имена
не верь, не верь, что я тебя забуду.

МАМЕ

Старый парк, качели, осень,
я всё так же, очень-очень.
Вырастала, выходило
странно и смешно.
Помню руки, помню крылья.
Помню, помню: я ли, ты ли...
Всё, где мы с тобой ходили
нынче заросло:
где асфальтом, где травой.
С непокрытой головой
в октябре бродить негоже –
вот уж первый снег.
Ты во мне – теперь, пожалуй,
счастье, радость, горе, жалость,
только всё же,
всё же,
всё же
Главный человек.

***

Д.Е.

Если могла бы – было бы о тебе
каждое из моих предыдущих слов.
Если могла бы – в самой большой беде
помнила б только голос и звук шагов.
Ближе к зиме просыпаешься, сил лишён,
сердце устало, всё чаще теперь сдаёт...

Если могла бы – каждое из имён
было бы переписано на твоё.

***

И не хочется никаких сражений.
И никаких побед.
Ночью хочется спать, днём готовить обед.
Не сидеть с головой чугунной,
не расставлять слова,
пытаясь себе доказать, мол, девочка, ты права,
мол, всё это не зазря, ты лиха то не буди.
Вот только кому слова заткнули дыру в груди?

Когда-нибудь я проснусь: внутри тишина
и так мне станет звучать легко –

не в рифму,
не в ритм,
не в такт.

***

Грядущий новый год,
как местный хитрый гид –
показывает то, что было скрыто:
потоки бурных вод,
ребёнка, что сидит
у берега реки. Дворов разрытых
разорванную пасть...
Собраться к декабрю
никак не получается. Отныне
всё чудится – припасть
к нему, как к алтарю,
и вымолить другой зимы. Иными
войти в неё. Во тьме
впервые разглядев
пределы волшебства, что мир питает,
писать теперь о тех,
кто был всегда в тебе.
Надеяться, что Выше – прочитают.

***

Нелёгкий год, но вот когда
бывали лёгкие года?
Вчера стояли холода,
сегодня с неба сыплет морось.
Я узнаю себя другой –
уставшей, выгнутой дугой,
исполосованной пургой,
испуганной, ревущей в голос.
Я узнаю других в себе –
того, кто сердцем огрубел,
ту, что шагнула за предел
(и сон её отныне светел),
тех, кто сдаваться не привык,
и мне не позволяет – их
мне нужно сохранить – живых
и радостных на этом свете.

***

Из тех, кто был со мной, составить города
и с карты их стереть, никак не называя.
Стоит декабрь. Стоит холодная вода
и ждёт зимы, и сны о море призывает.
И большим ей не быть, и видеть корабли
лишь только подо льдом, не зная дня иного.
Но память не убить: всё кажется, вдали, –
маяк, и о него бьют волны бестолково.

***

Не мне – одной из тысяч строк,
что собраны рукой дрожащей,

рассказывать о настоящем:
декабрь, гололёд и смог,
ступени в парке городском –
наверх, а впрочем, что за спешка?
Но мы стараемся не мешкать
(темнеет, а идём пешком).
Деревья, псы, дымь, дома
нас провожают в этот холод.
Ты – как все годы прежде – молод.
Мне, как и прежде, всё – тюрьма:
всё тесно, мало, не о том...
Но что с того, беру под руку,
и где-то, приглушённым звуком,
мы слышим: во дворе пустом
открылись ставни – тусклый свет
пролился в мёрзок этой ночи.
Да, год пока что не окончен,
но занимается рассвет.

***

– Это война, мама, это война?
– Видишь, вон поле, над полем луна...
– Значит, война, мама, правда, война?
– Скоро весна, очень скоро весна...
Спи, моя радость, спокойного сна.
Ночь безнадежна, страшна и темна,
только она, счастье, даже она,
кончится. Кончится...
– Значит, война?

– Спи, моя радость, спокойного сна.
Скоро весна, очень скоро весна...

***

Под утро лёд сойдёт, и мир придёт воспеть
сухой асфальт, прозрачный воздух, тонких
деревьев ряд, крыш захудалых медь
и во дворе подростого котёнка.
Под утро лёд сойдёт – и ход дадут весне,
и небо задрожит от звонких криков детских.
Ты выйдешь и решишь, что смерти больше нет.
А что решат другие – неизвестно.

***

Тебе, мой свет, из этих чёрных дней
запомнится весна и пенье птичье.
А мне – лишь пустота и безразличие,
и непонятно, что из них страшней.
Тебе, мой свет, единственная власть,
единственная Родина и нежность –
расти, расти сквозь ночи неизбежность,
мне не давать споткнуться и упасть,

ничью, ничью оскаленную пасть
не видеть – лишь улыбки безмятежность
твоей... И молча руки в руки класть.

Геннадий МАЙОРОВ

БЛЕСК И НИЩЕТА...

В 2026 году отмечается 195-летие романа Оноре де Бальзака
«Шагреновая кожа» (1831)

*«Разве его жизнь не роман?
Он правил её в гранках»*

Произведения, равно как и сама увлекательная жизнь незаурядного француза (*Родился 20 мая 1799 года, Тур, Франция. Умер 18 августа 1850 года, Париж, Франция*), в нашей стране по непонятным причинам отодвигаются в тень. Трудно вспомнить, когда у нас издавалось последний раз полное собрание сочинений классика. Не изучают должным образом его романы и в школе. А стоило бы обратить внимание на особенно поучительное и неординарное произведение «Шагреновая кожа».

Андре Моруа, изучивший за свою жизнь творческий путь всех известных писателей, выделил в истории мировой литературы три имени: Лев Толстой, Бальзак, Шекспир.

Поэтому предлагаю вместе пройтись по некоторым эпизодам биографии замечательного писателя.

1.

20 мая 1799 года в небольшом французском городке Туре, что на реке Луаре, родился мальчик, которого называли Оноре. Его отец в детстве был пастухом, потом выбился в чиновники и всю жизнь заботился о своём положении в обществе. Мать Оноре происходила из семьи парижского торговца, она была много моложе супруга и пережила не только мужа, но и своего гениального сына.

В девять лет мальчика отдали в Вандомское училище, где заправляли католические монахи. Порядки там были очень жёсткие. Свободолюбие подростка быстро пресекалось. Часть времени он вынужден был проводить в одиночестве в своей комнате, в деревянном сарае или карцере. Но, как ни странно, часы заточения не расстраивали пытливого отрока.

Он много читал, особенно Руссо, Монтескьё, Гольбах. Не случайно, видимо, одну из первых своих рукопи-

сей Бальзак озаглавил «Трактат о воле». Её сжёг на глазах мальчика монах-надзиратель.

Когда семья переехала в Париж, родители отдали юношу в школу права, надеясь сделать из него преуспевающего нотариуса. Но всё свободное от учёбы и практики время Оноре проводил на лекциях по литературе в знаменитой Сорбонне.

Уже тогда Бальзак твёрдо решил стать писателем. Но родители были против, упирая на то, что «сочинительство не приносит доходов, что все писатели – нищие». Спор длился довольно долго, но всё же стороны выработали компромисс: если за два года Оноре не докажет, что способен литературным трудом заработать себе на жизнь, он займётся только юриспруденцией.

20-летний Бальзак поселился в мансарде, намереваясь стать отшельником и проводить время за письменным столом. Долго обдумывая сюжет своего первого произведения, Оноре останавливается на исторической трагедии в стихах «Кромвель». Восемь месяцев он работал в холоде и сырости, экономя буквально на всём: три су в день за жильё, три су на масло для лампы, два су на уголь, два – на стирку, ещё два – на непредвиденные расходы. От недоедания стали выпадать зубы, здоровье пошатнулось.

Но Бальзак одержим. В апреле 1820 года он заканчивает «Кромвеля» и представляет его на суд семьи и их друзей. Вот как описывают биографы торжественный день дебюта писателя Бальзака: «Все в сборе. За маленький столик садится, взволнованно перебирая листы рукописи, худощавый юноша небольшого роста; он то и дело встряхивает головой, отбрасывая назад густые чёрные волосы. Вначале его голос дрожит, но постепенно он овладевает собой и декламирует, отчеканивая строки, подчёркивая с таким трудом найденные рифмы, всё уверенней и уверенней. Читая, Оноре поглядывает на слушателей, стараясь по выражению их лиц уловить, что они думают о его творении».

Его сестра Лоренс добавляет: «Энтузиазм чтеца постепенно охлаждается, когда он замечает, что впечатление плохое, а лица окружающих удивлённые, застывшие».

После небольшого совещания домочадцы решают показать рукопись профессору литературы Андрие. Этот ничем не примечательный профессор попал в историю именно за то, что прочёл «Кромвеля» и направил матери Оноре письмо: «Я ни в коем случае не намерен отбить у вашего сына охоту писать, но думаю, что он может потратить своё время с большей пользой, чем сочинять трагедии...».

Оноре покидает мансарду и переселяется в более скромное жилище. С письменного стола он забирает с собой статуэтку Наполеона, на которой собственноручно пишет: «Что он не смог свершить мечом, я свершу пером».

Умерив гордыню, Бальзак вступает в союз с писателем-конъюнктурщиком д'Эгревиллем и в соавторстве с ним выпускает несколько бульварных романов. Бальзак плюётся, понимая, что пишет чушь на потребу толпе, но хороший гонорар умиряет его.

Наконец, накопив немного денег, Оноре решает самостоятельно пуститься в литературное плавание. В январе 1822 года он пишет роман «Клотильда Лузиньянская, или Красавец-еврей», – рукопись, найденная в архивах Прованса и обнаруженная лордом Р'ооном». Но, понимая несовершенство своего писательского пера, Оноре этот и последующий романы подписывает псевдонимом – Орас де Сент-Обен. Опубликовав за три года около десяти романов под псевдонимом и заработав несколько тысяч франков, Бальзак в дальнейшем отрёкся от этих произведений. Они нужны были ему только для материального благополучия. Точнее, для серьёзной работы над будущими шедеврами. «Он зарабатывал деньги для того, чтобы писать, а не писал, чтобы заработать деньги» (Андре Моруа).

Относительное благополучие притупило бдительность начинающего писателя. Он выкладывал около 10 тысяч франков (своих и занятых у родных) в авантюрное предприятие издателя Канеля, который задумал издать серию однотомных собраний сочинений французских классиков. Бальзаку одолжила деньги и его первая возлюбленная госпожа де Берни, у которой на счёте в банке лежало 200 тысяч франков. Предприятие лопнуло, компаньоны выкрутились, подставив наивного Бальзака кредиторам.

У Бальзака всегда были огромные долги, он зарабатывал себе на жизнь каторжным трудом, и всё же из своих огромных средств он с готовностью оказывал щедрую помощь находившимся в нужде собратям по перу, вплоть до того, что брал их на своё иждивение и делился с ними жильём. И ещё современники Бальзака вспоминали: «Наибольшее количество оставленных им автографов – это, быть может, расписки. Долги, долги, долги. Кредиторы, казалось, вылезали отовсюду: из-за печки, из-под кровати, из ящиков комода, из камина; одни проскальзывали сквозь замочную скважину, другие забирались через окно, как любовники; иные выпрыги-

вали из чемодана, как игрушечные чёртики из шкатулки с сюрпризом, а прочие проходили сквозь стену, будто через люк».

Имея беспокойный характер, Оноре ещё не раз будет прибегать к авантюрным попыткам разбогатеть. Он создавал порой фантастические прожекты, например, выведение ананасов под Парижем, что должно было, по его подсчётам, приносить 400 тысяч франков ежегодно; или другое – разработка древнеримских серебряных рудников в Сардинии.

Поразительно, но у Бальзака на самом деле были «золотые идеи». Почти все его деловые начинания, в которых он потерпел неудачу, приносили богатство другим людям.

Много легенд ходило о роскоши, которой он стремился себя окружать: трости с инкрустациями, хрустальные ручки на унитазах, своя картинная галерея с полотнами кисти великих мастеров. К слову, почти все полотна оказались поддельными.

Но то, что Бальзак слыл фантазёром и неистощимым выдумщиком, – факт. Если давал банкет, то про каждую бутылку вина рассказывал невероятную историю. Чай, к примеру, который заваривали в его доме, лично собирала дочь китайского императора.

Гости от удивления открывали рты. А Бальзак, насладившись своим рассказом, заявлял со смехом: «И вы верили? Да я просто пошутил!».

В 1836 году, когда Бальзак купил акции газеты «Парижское обозрение», которая вскоре прогорела, его долг составил 100 тысяч франков. Десять последующих лет как проклятый он работал за письменным столом. Окончательно подорвал своё здоровье, но всё же рассчитался с долгами до последнего сантима.

Неистовый труд требовал непосильного напряжения, и Бальзак прибегал к возбуждающим средствам, главным образом к кофе, который прогоняет сон. Кофе, какой пьют простые смертные, оказывает своё действие всего недели две-три. «По счастью, этого времени достаточно, чтобы написать оперу», – говаривал Россини. Бальзак же продлевает этот срок. Он обнаружил, что, во-первых, кофе, истолчённый по-турецки, гораздо вкуснее молотого; что, во-вторых, кофе действует куда сильнее, если его

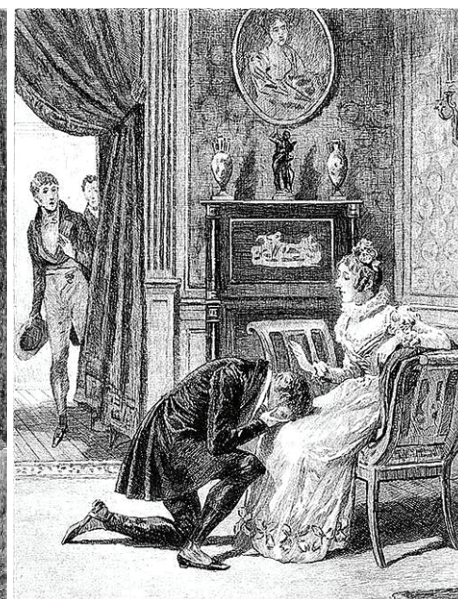
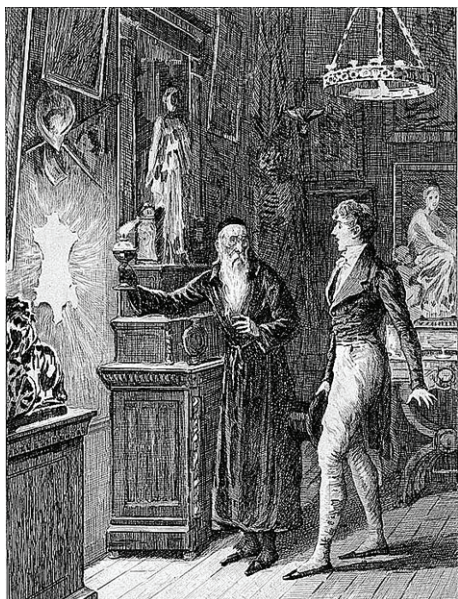

Фото и репродукции из открытых источников

залить холодной водой, а не кипятком; что, в-третьих, напиток будет оказывать своё действие на неделю или даже на две больше, если уменьшить количество воды, чтобы получилась гуща.

В этот период он отходил ко сну в шесть часов вечера, вставал в полночь и писал 12–14 часов подряд...

2.

На пороге своего тридцатилетия Бальзак берётся за роман, который при переиздании получил название «Шуаны, или Бретань в 1799 году». Если раньше Оноре писал романы чуть ли не набело, то теперь он очень ревностно относится к каждому слову. Даже критики вынуждены были признавать, что писатель ни при каких обстоятельствах не поступался качеством своих произведений. «Как упрямый плавильщик, – по меткому образу поэта Теофила Готье, – он по 10-12 раз подряд бросал металл в тигель, если металл этот не желал заполнять все извивы литейной формы». Бывало, что типография подолгу ждала текст, а потом Бальзак внезапно присылал сразу две сотни листков, лихорадочно исписанных за пять ночей.

В марте 1829 года роман о шуанах выходит в свет и сразу привлекает к себе внимание читателей. Это очень необычное для того времени произведение: романтический сюжет разворачивается на реалистическом фоне, создаваемом исторически точным изображением среды, которая и определяет в своём социальном разнообразии характеры персонажей.

Следом выходят повесть «Гобсек» (1830) и в 1831 году роман «Шагреновая кожа». Изначально Бальзак хотел написать новеллу, отрывки показывал друзьям, но те не оценили замысел писателя. Первый отрывок из романа «Шагреновая кожа» был напечатан в декабре 1830 года в журнале «Карикатура». Два других – полгода спустя. И... критики восторженно отозвались о новом произведении, сравнивая автора с Рабле, Вольтером и Гофманом. Чего не скажешь о некоторых читателях, которые посчитали роман занудным, с лишними подробностями и длиннотами. Сам Бальзак считал, что это философский этюд с налётом фантастики, который открывает цикл произведений писателя «Человеческая комедия». Спустя несколько лет роман стал очень популярным у читателей и издателей, достаточно сказать, что только в прошлом веке «Шагреновую кожу» экранизировали семь раз.

Его имя уже знают в Европе, в том числе и в России. В 1831 году бальзаковскую повесть «Вендетта» опубликовал журнал «Телескоп». Одним из первых оценил талант Бальзака Ф.М. Достоевский, который перевёл на русский язык роман «Евгения Гранде».

Как только имя Бальзака стало знаменитым, его стали окружать толпы почитателей, особенно женского пола. Он снисходительно относился к знакам внимания. Но однажды, 28 февраля 1832 года, ему передали письмо из Одессы. Дорогая бумага с водяными знаками, источавшая дивный аромат. Письмо было написано на превосходном французском и подписано «Чужеземка». Она по достоинству оценила творчество писателя, сделала несколько замечаний и... попросила поместить объявление во французской газете «Котидьен» (единственной газете, которую можно было в то время выписать в России) с ус-

Бальзак и Эвелина Ганская

ловными фразами, чтобы она могла убедиться, что письмо дошло до адресата.

Бальзак заинтересовался таинственной незнакомкой и поместил в «Котидьен» следующее объявление: «Г-н де Б. Получил посланное ему письмо; он только сегодня может известить об этом через газету и весьма сожалеет, что не знает, куда ему адресовать ответ. Ч-ке – О. де Б.».

А вскоре началась переписка, после которой в конце сентября 1833 года произошла встреча в швейцарском городке Невшателе. Перед романистом предстала богатая помещица графиня Эвелина Ганская. Об их встречах мало что известно, остались лишь письма писателя, полные любви и нежности, достойные сюжета для романа. Но только спустя восемь лет, вскоре после смерти графа Ганского, Бальзак приехал в Россию, где в Петербурге встретился с Эвелиной.

Казалось, они будут счастливы. Но соединить судьбы влюблённые не могли. По законам российской империи русской помещице не разрешалось выходить замуж за иностранца, иначе она лишалась собственности. Нужно было ждать, пока дочь Эвелины достигнет совершеннолетия, сможет войти в права наследования и выделит матери значительную ренту.

Бальзак разрывался между возлюбленной, с которой он периодически путешествовал по Европе, и работой. В 1847 году весной Оноре и Эвелина отправились вниз по Рейну. Они любовались развалинами средневековых замков, стоявших на высоком левом берегу, видели и знаменитую скалу причудливой формы, на вершине которой, по преданию, восседает волшебница Лорелея, – своим пением она зачаровывает рыбаков, и их лодочки разбиваются об утёс.

Бальзак рассказал Ганской о том, как в 1834 году композитор Гектор Берлиоз познакомил его с великим немецким поэтом Генрихом Гейне, с которым в дальнейшем было немало приятных встреч.

Лишь 17 лет спустя после первой встречи (ещё один сюжет для романа!) Бальзак и Ганская сумели соединить свои судьбы. 14 марта 1850 года в костёле города Бердичева на Украине состоялось венчание. К тому времени писатель уже страдал неизлечимой болезнью, его дни были сочтены. Но Эвелина сделала свой выбор. В одном из писем брату она подчёркивает: «Гениальность этого человека электризует и поднимает тебя в высочайшую область духа. Его гений заставляет тебя вознестись над собой. И благодаря ему ты начинаешь понимать и постигать, чего не хватало в твоей жизни... Он любит меня, и я чувствую, что эта любовь – самое драгоценное из всего, чем я когда-либо обладала».

К творчеству Бальзака проявлял своеобразный интерес русский император Николай I. Причём он выступал в роли цензора. Царю чудилось, что Бальзак поддерживает и распространяет революционные идеи. Как-то начальник Третьего отделения генерал А. Орлов принёс Николаю I просьбу Бальзака о посещении России. Царь наложил резолюцию: «Разрешить, но со строгим надзором».

Посетив Петербург, писатель заинтересовался историей России: делал пометки, изучал архивные документы. И очень жаль, что не сумел воплотить в жизнь свой замысел – написать историческую трагедию «Пётр и Екатерина», хотя он всерьёз начал подбираться к этой теме.

В жизни Бальзака было немало женщин, что в итоге привело к огромному количеству сплетен и нелепых историй, особенно после смерти писателя.

Доподлинно известно, что официальных наследников у него не было. Хотя ещё в 1833 году, работая над романом «Евгения Гранде», Оноре посвятил его Мари-Луизе-Франсуазе Даминуа, которая ждала от Бальзака ребёнка.

С юности Бальзак мечтал о безумной страсти, о любовнице, которая была бы одновременно и знатной дамой, и куртизанкой. Он чувствовал, что художники, как и люди действия, испытывают порой потребность «нестово предаваться утехам, ибо существование, которое они ведут, ни в чём не походит на жизнь обыкновенных людей». У него была страстная натура, и его влекли эротические игры.

Он был близок со многими женщинами, и все они пылко говорили о своём блаженстве. Бальзаку всегда нравились чувственные женщины, но он хотел также, чтобы его любовницы были и чувствительны, и умны, чтобы они способны были понимать его произведения, восторгаться ими и, быть может, даже вдохновлять его.

Он как никто знал и понимал женщин. Вот лишь один пример из романа «Шагреновая кожа»: «Женщины, в силу какого-то особого склада своего ума, обычно видят в человеке талантливом только его недостатки, а в дураке – только его достоинства; к достоинствам дурака они питают большую симпатию, ибо те льстят их собственным недостаткам, тогда как счастье, которое им может дать человек одарённый, стоящий выше их, не возмещает им его несовершенств». Там же: «Истинная супруга, супруга по призванию, покорно следует за тем, в ком полагает она свою жизнь, силу, славу, счастье».

Бальзак прожил необычайно интересную и трудную жизнь. У него было немало кредиторов, завистников, критиков. Он совершал ошибки и безумства (любил повторять: «Всё, что делаешь, надо делать хорошо, даже если совершаешь безумство!»), менял симпатии и политические пристрастия. Но всегда оставался независимым, благородным и в высшей степени порядочным человеком. Например, у него была заветная мечта – оказаться избранным в члены Французской академии, попасть в число так называемых «бессмертных», что давало большие льготы и безбедное существование. Однако узнав, что одновременно с ним баллотировался и Виктор Гюго, Бальзак тут же снял свою кандидатуру,

убеждённый в том, что его коллега более достоин этой чести, чем он.

...Месяц спустя после венчания Бальзак и Ганская отправились в Париж. Писатель чувствовал себя всё хуже и хуже. Он слёг. Посетивший его Виктор Гюго сообщил друзьям: «Господа, Европа теряет сейчас гения!».

Бальзак умер в возрасте 51 года. Через три дня состоялись похороны. За гробом писателя шли Виктор Гюго, художник Гюстав Курбе, композитор Гектор Берлиоз, скульптор Давид д'Анже, Александр Дюма...

Жизнь Бальзака завершилась подобно роману «Человеческая комедия». Сколько раз он рассказывал, как человек всю жизнь мечтал о любви и вот наконец, кажется, достиг счастья, но лишь только он протягивает руку, чтобы схватить его, счастье ускользает.

Андре Моруа так заканчивает биографию Оноре де Бальзака: «Он умирал, сгорев в огне своих желаний, истратив все силы в воображаемых действиях своих героев, умирал жертвою своего творчества. Несчастное детство и юность породили у него сверхчеловеческое честолюбие. Он хотел всего: любви, богатства, гениальности, славы. Несмотря на расстояние, казалось бы, непреодолимое, между отправной точкой и целью, он всего достиг. В воскресный вечер 18 августа 1850 года он лежал, простёртый, в украшенном им самим доме, убранство которого походило на его мечты о чудесах «Тысячи и одной ночи»; волшебница Чужестранка ради него покинула свой дворец и океаны хлебов; он стал средоточием того мира, который сам населил, в который вдохнул душу и которому суждено было пережить его. Но смерть, уже годы ходившая за ним по пятам, одновременно с ним подошла к конечной точке».

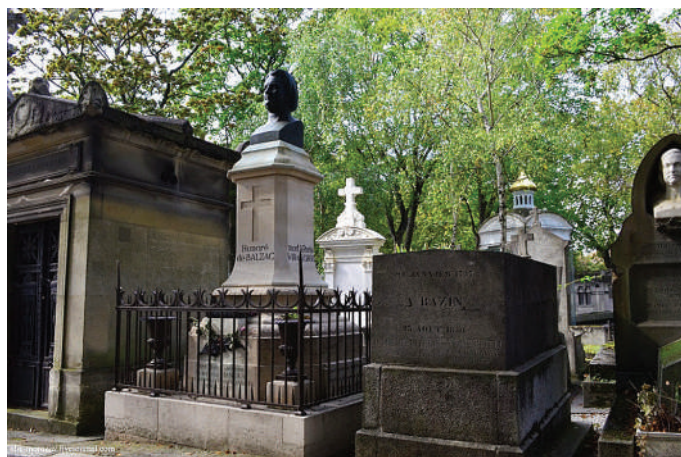
О Бальзаке можно рассказывать бесконечно. Но не лучше ли прикоснуться к его романам? Я обращаюсь в первую очередь к тем, кто ещё ни разу не читал произведения великого писателя. Поверьте, вы откроете для себя удивительный мир человеческих страстей и человеческих ценностей.

Закончить свои заметки я хочу так. В повести Бальзака «Тайны княгини де Кадиньян» есть такие строки:

«– И это развязка? – спрашивает он в конце.

И отвечает:

– Да, для умных людей, но не для тех, кто хочет всё знать».

Кладбище пер-Лашез, где упокоился великий писатель

Продолжаем пристально изучать регионы России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Смоленскую область, чтобы посетить деревню, где родился популярный поэт-песенник Михаил Васильевич Исаковский.

Г Л О Т О В О : Р О Д И Н А И С А К О В С К О Г О

Сегодня добраться до родины Исаковского (помните его популярную песню «Выходила на берег Катюша...») вполне сносно: появилась пусть и не идеальная, но всё же дорога. Сохранилась и школа, где он учился. С неё мы и начали свою экскурсию. И вот что узнали.

Он с тринадцати лет страдал болезнью глаз, которая регулярно грозила полной слепотой, потому буквы в рукописях год от года становились всё больше. Под конец жизни Исаковский пользовался только фломастерами – иначе написанного не разбирали. Он никогда не был модным и, может быть, потому не устареет. Об Исаковском не спорили критики. Разве что первый сборник – «Провода в соломе» – подвергся обструкции, но за 28-летнего автора вступился в газете «Известия» Горький. (Гораздо позже Исаковский помянет нас в своём излюбленном частушечном жанре: «Нам лениться нет расчёта, наше слово – от души. И пошла у нас работа, – хоть в «Известия» пиши».)

Михаил Исаковский прожил тихий, не героический век. Воевать по болезни не мог. Свой эвакобыт в Чистополе описывал с поистине пушкинским даром укладывать прозу в стихи: «Дрова таскаю. Печь топлю в квартире. Курю какой-то невозможный мох. Варю и ем картошку в вицмундире, как выразился здешний педагог»... Он дружил с Александром Твардовским, уважал Александра Фадеева, симпатизировал Алексею Суркову. Не участвовал в гонениях, но и не бросался грудью прикрывать гонимых. Сочинил множество пустых барабанных виршей про Ленина и партию, обращался с приветом к Ворошилову, Будённому, Калинин. В 1945-м создал едва ли не главный шедевр советской сталинианы: «Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». И в том же победном году – «Враги сожгли родную хату...». Песня Матвея Блантера – тогда она называлась «Прасковья» – прозвучала по радио лишь однажды и попала под запрет как упадническая. Вплоть до 1960-го, когда её под

свою ответственность исполнил в «Лужниках» Марк Бернес.

Больше тридцати лет Исаковский прожил с женой Лидией (ей посвящено стихотворение «В лесу прифронтовом»). Кстати, в Чистополе Лидия Ивановна, хирург, оперировала Мишу Гроссмана – пасынка писателя. Допризывники откопали где-то снаряд времён Гражданской, гоняли его вместо мяча... Спасти парня не удалось.

В 1955 году Исаковский оплакал жену. Из письма Твардовскому: «Должен тебе сказать, что свою потерю я переношу невыразимо тяжело. Если я не являюсь исключением... то в этом мире есть что-то ненормальное, чего нельзя терпеть, что надо изменить любыми средствами». Женился снова. Всё больше времени проводил на даче во Внукове (кстати, там написана песня «Не нужен мне берег турецкий»). Долго мучительно болел. Вдобавок стал жертвой врачебной ошибки – они и тогда случались, причём звание Героя Соцтруда и четыре ордена Ленина безопасности не гарантировали.

Летом 1971 года Исаковский и Твардовский лежат в одной больнице. Оба плохи настолько, что даже встретиться не могут. В декабре 71-го автор «Василия Тёркина» умер. Исаковский пережил его на полтора года. Похоронены друзья на Новодевичьем.

Лауреат и орденосец – скромный сутуловатый человек в очках с толстыми линзами... Сегодня, когда любить себя в искусстве – обязательное условие успеха, люди, подобные Михаилу Васильевичу Исаковскому, уже не появляются.

Про него и при жизни знали немного. Зато «Лучше нету того цвету...», «Одинокая гармонь», «Услышь меня, хорошая...», «Каким ты был, таким остался» и «Ой, цветёт калина...» (лучшее, что есть в «Кубанских казаках»), «Дан приказ: ему – на запад...», «Огонёк», «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех», «Колыбельная» («Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек, спи, мой звоночек родной...»), «Спой мне, спой,

Прокошина...», «До свиданья, города и хаты», «Уезжает девушка на Дальний Восток», «Ой, туманы мои, растуманы», «И кто его знает» – так или иначе, подряд или вразбивку эти песни известны всем.

Судьба Миши Исакова неожиданным образом, наглядно и вещественно проясняет, как могла изменить ход российской истории аграрная реформа Петра Столыпина. Расселение малоземельных крестьян, будучи доведено до результата твёрдой рукой, спасло бы таких, как Исаковы, от нищеты и голода. В их семье из тринадцати детей выжили только пятеро. Исаковым нечего было терять. И миллионы Исаковых по всей империи поддержали тех, кто обещал дать землю, – большевиков.

Идеологические взгляды поэта Исаковского понятны, оправданны, они родом из детства. Когда разбившаяся на хутора Смоленщина сопротивлялась коллективизации, Исаковский был уже сознательным городским жителем. И хотя внешне перепевал Есенина («Я ж любил под этим небом чистым шум берёз и мягкую траву. И за то отсталым коммунистом до сих пор в ячейке я слышу», – размер в размер: «Счастливым тем, что целовал я женщин, мямл цветы, валялся на траве...»), по настроению это была иная песня. Исаковский старую деревню не жалел – не имел на то оснований. А отброшенная назад страна может повторять сегодня, будто из только что написанного: «И оттого из наших деревень, где нищета орудет безбожно, уходят все, кому уйти не лень, уходят все, кому уйти возможно»...

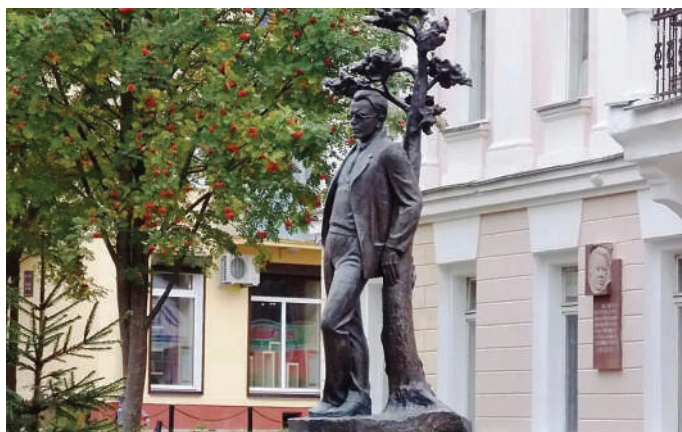
Военные стихи Исаковского рвут сердце на части и пробивают любую обшивку. Знаменитый призыв Константина Симонова «Убей его!» опубликован 19 июля 1942 года, но ещё 10 декабря 41-го появились обращённые к немцам строки Исаковского: «Уже отходную запел вам ветер на тысячи различных голосов, уже мороз выходит на рассвете командовать парадом мертвецов...». Макабрическое ощущение, что противостоят не только живые живым, но и мёртвые – мёртвым, что небытие грозно поднимается на защиту бытия, наконец, саму размытость грани между тем и другим – всё это Исаковский выразил раньше коллег.

Мирные стихи Исаковского пленительны, как светлая июньская ночь. Они дышат теплом и лаской, они живые. «Михвас» естественно сопряг революционную романтику с романтикой вечной, житейской, земной. С эротизмом сеновала, если хотите. «...Будто в полночь месяц на откосе растерял серебряные кольца, и взасос на скошенном покосе целовала Таня комсомольца...» Его герои объединяют частное и общественное в таком ликующем порыве, что кажется – только так и должно быть. «Всю ночь поют в пшенице перепёлки о том, что будет урожайный год, ещё о том, что за рекой в посёлке моя любовь, моя судьба живёт...» Исаковский легко переводил любовную лирику на язык собраний и протоколов, причём в его добродушной иронии не угадывается ни капли яда. Вообще, если родился однажды в бедной русской избе наш собственный мистер Пиквик, это был именно Исаковский...

Повернись история по-другому, мы могли бы получить большого русского поэта, который не посвящал бы стихов Ленину и Сталину (разве что государю-императору) – в силу беспомощной третьестепенности данных политических фигур. Кроме того, Михаилу Исакову, родившемуся в Крещение и читавшему при выпуске из сельской школы своё первое стихотворение «Святой», не пришлось бы всю жизнь притворяться атеистом – либо искренне считать себя таковым. Да что теперь мечтать в сослагательном наклонении... Всё могло быть иначе. Слава Богу, что среди бесчисленных российских потерь поэт Михаил Исаковский не значится. Он у нас был. Он у нас есть.

А. Твардовский и М. Исаковский

Памятник М. Исаковскому в Смоленске

Памятник песне «Выходила на берег Катюша...»

МИНИАТЮРЫ ЖИЗНИ

ОДНОКЛАССНИК

Был у меня приятель, учились вместе с первого класса. Пай-мальчик, над которым подтрунивали, воровали на переменах из его портфеля всякие вкусности еврейской кухни его матери, служившей в МГБ в звании капитана. О родителе мужского рода разговора не заходило ни разу, как будто его вообще не существовало в природе. У половины ребят из класса и во дворе отцы не вернулись с войны. Детская память не сохранила даже смутный образ тех, кто дал жизнь молодой поросли. Если о них и вспоминали, то только про себя. Время-то было какое! Радость Победы переполняла сердца. Для грусти не оставалось места. Жили мы дружной сплочённой стайкой. И мой одноклассник резвился вместе с другими. Хромота ему не мешала. Он бегал и носился на переменах, как и другие, и на шуточные дразнилки отвечал довольно увесистым ударом кулака в плечо, впрочем, без всякого зла. Но одна особенность у него была. В отличие от большинства ребят, остриженных под нулёвку, он носил причёску «полубокс», за что и получил прозвище полубоксёр. Что казалось нам невероятно смешным. Среднего роста, довольно приятной наружности, упитанный, белолицый и сероглазый шатен-ашкеназ, простой и бесхитростный, ничем не напоминал о своих палестинских корнях. Никому из нас и в голову не приходило спрашивать его об этом. Спустя многие годы мне открыли тайну его происхождения. Собственно, и тайны никакой не было. В классе, кроме русских, кого только не было! И татары, и мордва, и грузины, и армяне, и хохлы и прочие «шведы». Национальный вопрос никого особенно не волновал. Так мы и жили.

Потом наши пути разошлись. Вначале из-за того, что ввели совместное обучение мальчиков и девочек, а позже мне пришлось переехать в другой город. Но память о детской дружбе хранится долгие годы. А потом пути опять неожиданно сошлись. Он оказался другом, у которого можно было заночевать по нужде, пошататься по Москве, шальной, моторный. Мать у него умерла, когда он был ещё подростком. Он поплакал, погоревал. Но всякой скорби приходит конец. Никто теперь не заставлял его обедать, делать уроки, вовремя ложиться спать. Супы заменили арбузы и пирожки, а домашняя тишина сменилась шумом и гамом. Пенсия за мать была неплохая, гуляй – не хочу. Началась весёлая разгульная жизнь. У него была тётка, поэтому в детский дом его не определили, а переселяться к родственнице ему не хотелось, может быть, чтобы не терять жилплощадь. Кто из старшего поколения не помнит, что такое «квартирный вопрос» в Москве 40-50-х? Да и родственница не горела желанием тесниться с племянником в комнатке коммунальной квартиры. Жил он в деревянном, довольно ветхом одноэтажном доме старой постройки, но всё же это был свой угол. Меблировка состояла из кровати, пары венских стульев, да висевшей над дверью чёрной тарелки радио – память о матери. С этим предметом он не расставался и впоследствии на новых квартирах. А их

приходилось менять раза три, чтобы скрыться от навязчивых корешей. В числе их оказывались и парни из уголовного мира. Комната вскоре стала «хатой» для всех знакомых и незнакомых подростков с окрестных улиц. Кто только там не бывал! По складу ли характера, по слабости ли воли он никому не отказывал в приюте.

Отличником при такой жизни он не был, хотя способности имел неплохие. Успехи в школе, как и репутация, да и само будущее его не интересовали. Он жил настоящим, наслаждался каждым днём своего существования на земле. Беспорядочная жизнь отзывалась и беспорядком в его голове. Он был с раннего детства хром и потому не подлежал призыву в армию. Указ о борьбе с туеядством его также не задевал. По инвалидности ему полагалась пенсия. На неё, да с помощью тётки он и жил. Дни его проходили в активных шатаниях по городу. Знакомств у него, в самых широких кругах была уйма. С его открытым характером, с предприимчивостью и склонностью к авантюризму это было неудивительно. Обаятельный, с глубоким красивым баритоном, с нужной мерой находчивости, переходившей в лёгкую наглость: просто младший брат Остапа Ибрагимовича Бендера. К женщинам имел подход. Вообще нравился людям. Легко заводил знакомства и в околосредствительных и околотеатральных и иных кругах. Из него вышел бы прекрасный театральный администратор. Но ему нравилась свободная жизнь. «Синица в руке» у него была, но он мечтал о чём-то большем. Хотел быть боссом каких-то крупных проектов.

Недобрую шутку сыграла с ним «хрущёвская оттепель». С целью заработать связался он с молодыми людьми, делавшими бизнес на продаже икон. «Пашлял» их «штатникам» возле гостиницы «Украина».

В литературной жизни он также одним боком преуспел, сведя знакомства с разными писателями. Конечно, как и многие, он пробовал писать. Был у него даже оригинальный рассказ «Незнаком и незнакомка». Пристроить его, правда, из-за рыхлости формы, нигде не удалось. Но с этого времени он стал считать себя писателем.

Одевался он так же, как было принято у левой тогдашней молодёжи, в свитер с высоким воротом. В один из моих приездов сидели мы с ним в кафе на Горького у Маяковской. Подсел к нам какой-то молодой офицер. Что-то в нас показалось ему не так, и стал он нас воспитывать.

– Что это теперь мода такая? – хмыкнул лейтенант, окинув презрительным взглядом наши свитера.

Не знаю, как у моего приятеля, а у меня было самое дешёвое хлопчатобумажное изделие за девять рублей, но выглядело это стильно. Кроме того, делало нас похожими на студентов Литературного института.

– Да, мода, – подал голос одноклассник. – А что? Шолохов носит, Симонов...

И прибавил зарубежные имена.

Офицер в долгу не остался.

– А вы подражаете? – съязвил он
– А мы подражаем, – подтвердил я.

Ну, ладно. Дело не в этом. Беда стояла за углом. Бывший мой одноклассник настолько проникся атмосферой литературы, что вообразил себя одним из классиков. Укушенный мухой тщеславия, распалённый спором с кем-то из знакомых, он взобрался на цоколь памятника Пушкину возле Тверского бульвара и пустился вскачь вокруг статуи, выкрикивая на потеху публики: «Я – Новиков-Прибой! Я Новиков-Прибой!»

Дело в том, что мой приятель оказался Мюнхгаузеном только наполовину. Фамилия его по паспорту действительно соответствовала первой части знаменитого имени, а вторая часть прибилась мутным приливом беспокойной московской жизни.

С этим двойным титулом он и был доставлен в Ганнушкину больницу.

С тех пор ему пришлось побывать там ещё не раз. Не знаю, что там написали в истории болезни, а я бы поставил диагноз: нереализованного самолюбия, ненайденного места в жизни.

К этому времени он был зарегистрирован в ЗАГСЕ с женщиной, которая всеми способами принуждала его к решительному шагу. Будучи человеком мягким и податливым он уступил. И зажил, казалось бы, благополучной семейной жизнью. Но тут таившаяся много лет душевная болезнь прорвалась наружу. Жена, недолго думая, развелась с ним. Он снова оказался свободен. Однако ненадолго. Как-то в метро, томимый одиночеством, он подобрал девушку, ехавшую на вокзал, чтобы покинуть Москву. Это была окончившая театральные курсы особа из Саратова. Места ни в одном из московских театров ей не предложили. Лёгкий на решения, он предложил ей руку и сердце. Удача ей улыбнулась. Она осталась в Москве. Даже нашла себе покровителя, известного актёра, как теперь говорят, «папика». Но и он не мог или не захотел помочь ей. Простодушный муженёк, узнав об измене, помутился в рассудке. Тень Ганнушкиной больницы снова накрыла его.

С тех пор прошло много лет. Я часто вспоминаю одноклассника. Всё-таки школьная дружба крепка. Вот теперь вдруг вызрела охота написать о нём несколько слов, может быть, вместо некролога. Несколько раз, приезжая в город моего детства и отрочества, я пытался навести справки о бывшем однокласснике, но безуспешно. Он пропал с моего горизонта. Вероятнее всего, умер. С таким диагнозом долго не живут. Несмотря ни на что он был добрый человек. Кто-то скажет, что он ступил не на свою тропу, прожил не свою жизнь. Но знаем ли мы, что значит прожить свою? Что бы мы ни совершали, куда бы ни направляли стопы, мы идём своим путём. Никто не живёт чужой жизнью. Какая ни есть, она – наша.

Пусть мои слова полетят вслед за ним, догонят и скажут, что здесь на земле ещё поминают его и не самыми плохими словами.

ЕДИНСТВО МИРА

Разнообразен и удивителен мир. Мы, Хомо, могли бы быть и рыбами, и птицами, и кем угодно на нашей планете, но нам выпала доля быть людьми. Между нами огромная разница, но и огромное сходство. Иногда кажется, что животные лучше понимают нас, чем мы их. Такой вопрос, призыв к сочувствию и пониманию можно прочесть в глазах кошек. Недаром сфинксы имеют облик этих мудрых животных. Все мы вышли из одной капли, и все кипели в одном котле.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Странная это штука – жизнь во всех её видах. Ничто не

остаётся неподвижным во Вселенной, от крохотной частицы до целых планет и созвездий. Всё меняется, часто незаметно для человеческого глаза и чувств. Каждый миг, каждая песчинка торят свой неведомый нам путь. Меняются животные и люди. Люди становятся выше ростом, особенно девушки. Признаки изменений так очевидны, что не заметить их невозможно. И животные от общения с человеческим видом тоже что-то перенимают. Вот смотрю фотокартинки с медведями в дикой природе. На поляне, пусть и не в самой чаще, расселся косопалый на выброшенном кем-то старом кресле совсем, как человек. Вот другой приходит к дому и стучит в окно. Говорили, что к Серафиму Саровскому в его пустынь приходил такой хозяин леса просить хлеба и не оставался голодным. И теперь сплошь и рядом лесные звери выходят к людям за помощью или просто из любопытства и даже сами помогают. Происходит сближение миров. И какие они любопытные – эти обитатели леса! Настоящие исследователи мира! Всё хотят знать, во всём разобраться. Первооткрыватели. Когда-нибудь потомки поставят им памятники. Кто скажет, что жизнь стоит на месте и путь эволюции завершился?

БОГ ВНУТРИ НАС

Мы не можем сказать, есть Бог или нет, пока Он не входит в нас. Он приходит через живое чувство. Тогда, ощущая Его присутствие, мы говорим: «Бог есть. Он внутри нас». Мы сближаемся с Богом, вступаем с ним в диалог. Его воля и наша сливаются – мы становимся Подобием Божьим. И понимаем, что без Его воли ничто с нами случиться не может. Он – Отец и добр к нам, а мы – дети. А детям Отец не даст вместо хлеба камень.

И через это пробуждённое чувство он посылает нам свои Заповеди и Наказы, как посылал древним и новым пророкам. И в нашем сознании они проступают, как на чистом листе бумаги, в виде знаков и букв.

НЕЗАБЫТЫЙ НЕКРАСОВ

В детстве он был с нами наравне с Пушкиным и Лермонтовым. Теперь же, окружённый открывшимися созвездиями новых имён, отступил как-то в тень. Немудрёно! В блеске живых и искусственных огней трудно сосредоточить взгляд на одной звезде. Как жаль! Царство ему небесное. Его стихотворение «Внимая ужасам войны» замечательное. Может быть, самый трагический реквием войне в русской поэзии. Недаром молодёжь кричала на открытии памятника Пушкину в 1880 году в Москве: «Некрасов выше Пушкина». – «Не выше, – поправлял И.С. Тургенев. – Но и не ниже».

В смутные дни особенно необходимо опираться на прочные ценности русской культуры. Это наш щит от всяких бурь и напастей.

ЧУДО САМОЦВЕТНОЕ

Я всегда чувствовал, а позднее и стал понимать, что присутствием духа творится в человеке всё высшее и лучшее, что не мог бы сотворить один ум. Всё определяется в человеке творческим действием и содержанием духа. Он задаёт и тон, и мелодию речи, и то необъяснимое действие, которое заключено в его словах. Это верно во всех видах словесной деятельности: и поэзии, и прозы, и философии, и красноречии, и научной работы. Без присутствия духа ничто не живо в самых высокомудрых рассуждениях, и, наоборот, в самых простых словах, наполненных духом, светится то, что придаёт всему и обаяние, и убедительность, и красоту.

Командировка на войну

Путевые заметки журналиста RTVI из Донбасса

Продолжение. Начало в № 61

Многие участники специальной военной операции на Украине называют нынешний этап боевых действий «войной дронов». Смертоносные «птицы» разрезают небо в две стороны и уничтожают всё на своём пути. Это делает невозможным ни классический штурм, ни прорывы на БТРах, ни танковые операции. «Серая зона», ещё в 2022-м составлявшая несколько десятков метров, сейчас растянулась до двадцати километров и будет ещё больше.

Спецкор RTVI пообщался с операторами БПЛА бригады «Эспаньола» о том, как изменилась спецоперация, как технологии двинулись вперёд во время боёв за Часов Яр, и о том, что будет дальше.

«Совы»

В распорягу к «Совам» мы приехали рано утром. Эти парни работают на так называемых «тяжёлых крыльях», или беспилотниках самолётного типа. Вопрос, почему «Совы», отпадает сам собой, когда оказываешься внутри располагаи. У них тут собственный зоопарк — вольеры с кроликами и павлинами, а особняком выделяется большая клетка, где на ветках величаво восседают три ушастые совы.

— Я на «птиц» перешёл в 2024 году, — рассказывает Грин, в этот день в распоряге он был за главного. — Мне понравилось, зацепило.

На Донбассе Грин оказался осенью 2022 года. Сам он из футбольных фанатов, с 1999 года ездил на футбол за «Спартак». В сентябре 22-го увидел телеграм-канал «Эспаньолы» и решил написать по размещённому там номеру телефону. Оказалось, что номер принадлежал командиру «Эспаньолы» Испанцу.

— В этот момент я шёл в военкомат. Мне 500 метров оставалось, когда из «Эспаньолы» ответили, — вспоминает Грин. — Испанец мне перезвонил. Сказал, что народа пока мало, команда только собирается сейчас в Донецке. Мол, прыгай в автобус, приезжай, мы тебя встретим, и всё будет нормально.

Грин говорит, что близкие были не в восторге от его решения.

— Говорили: ты чё, умирать едешь? Мне кажется, сначала все и везде так реагировали, когда люди шли на СВО. Но я сказал, что всё равно поеду. Родину надо защищать, — без пафоса говорит Грин.

Так вышло, что в автобусе, отъезжавшем из Москвы в Донецк, набралось восемь новобранцев — все из околоспортивной среды. В Донецке их встретил Испанец и отвёз в часть, где прибывшие из Москвы парни прошли курс молодого бойца. Всё это происходило на полигоне батальона «Восток» Александра Ходаковского.

— На тот момент никаких навыков у меня вообще не было. Умел только драться в лесах стенка на стенку и с ОМОНОм на секторе, — смеётся Грин.

В октябре новобранцев уже вывезли на позиции — под Угледаром. Дежурство: трое через трое суток. По бумагам Грин был помощником пулемётчика, а на деле работать приходилось на разных позициях. Изначально его вообще тренировали как штурмовика.

— В 2022 году на нашем направлении штурмов ещё не было. Была позиционная война. Сидишь, держишь позицию, ждёшь врага. Если ты на передней позиции, враг от тебя в 200 метрах в зелёнке сидит. Смотришь, чтобы не прорвался, да и прячешься от миномётов и танков. Дронов тогда ещё мало было. Только «мавики» летали. Сбросы редко были, — рассказывает собеседник.

Боевое крещение у Грина произошло там же, под Угледаром. В тот день должна была проходить ротация. Парни отработали миномётом, но противник насыпал в ответ — два снаряда. Один из них разорвался рядом с «буханкой», в которой сидели бойцы.

— В тот вечер у нас было пять «двухсотых», семь «трёхсотых». Один из них впоследствии тоже стал «двухсотым», — вспоминает Грин.

— Это всё «Эспаньола»? — интересуюсь у него.

— Нет. В основном ребята из «Востока». У нас был один «двухсотый», как раз Плацкарт. И два «трёхсотых». Вот тогда, как говорится, мы и увидели саму войну, — говорит Грин.

Максим Шаманин, он же Плацкарт, — ветеран фанатского объединения ЦСКА — Red Blue Warriors. Его похороны прошли в ноябре 2022 года в Подмосковье. На момент гибели Шаманину было 44 года. Во время похорон в память о Плацкарте ультрас зажгли красные фаеры, а в телеграм-канале «Эспаньолы» были опубликованы слова: «Ты ушёл героем. Ты навсегда с нами. Смерти нет. Обязательно ещё увидимся!».

Грин тем временем продолжает.

— «Птицы» активно начали появляться в 2023 году. Особенно FPV. Наверное, это был март. Укропы начали запускать их по позициям. Мы тогда как раз в Луганск переехали. «Эспаньола» начала развиваться, начались формироваться различные подразделения. Начала строиться система. Если мы из «Востока», грубо говоря, все вышли штурмовиками, то теперь у нас стали появляться разные направления.

В тот момент, когда Грин перешёл на БПЛА, у него были маломальские навыки обращения разве что с «мавиками», которые военные использовали для разведки. В 2024 году Грин присоединился к отделению «Сов», которое специализируется на тяжёлых ударных крыльях. Направлением их работы стал Соледар.

— Первыми крыльями, с которыми мы работали, были «Стрела» и «Привет», — рассказывает Грин. — Сначала нам не хватало связи. «Самолёт» не мог перелететь линию фронта. В Соледаре она составляла 3,5 км. А первая цель была на расстоянии пяти километров. Только через седьмой-восьмой «самолёт» мы смогли долететь и упасть где-то рядышком с блиндажом. А вот в мае-июне мы поразили уже первую цель — вышку: с Бахмута мы долетели на «Стреле» до Часова Яра. С этого момента двери в этот вид деятельности для нас открылись.

Чтобы показать, что из себя представляют тяжёлые крылья, Грин ведёт меня в сарай, где парни готовят своих «птиц» к бою. На полу военные ящики. У стен и на стенах висят беспилотники: «Привет», «Стрела», «Молния-1» и «Молния-2».

— Вот она, «Стрела», которой мы в вышку попали. Тащит она от 1,5 до 3 кг взрывчатки, — показывает Грин и объясняет, что «Стрелу» с 1,5 кг взрывчатки можно запустить с руки. Если 3 кг — уже с катапульты.

— Что может разнести такое количество взрывчатки? — интересуюсь у «птичника».

— Мы, как правило, крыши вскрываем, стены стараемся расхреначить.

Грин показывает видео уничтожения вражеской вышки. Её ВСУ использовали как глаза и связь. Во время пролёта «Стрелы» закадровые голоса на видео с нетерпением ждут попадания: «Давай, давай, давай!». Как только вышка взорвана, раздаётся восторженный возглас: «Да-а-а!».

— Просто все понимали, что это первая цель, которая была

достигнута, — комментирует Грин. — После этого «Стрелу» мы использовать перестали и перешли на «Приветы». Самый дальний полёт такого крыла у нас составляет 30 км. Тащат они на себе по пять килограммов взрывчатого вещества. Всё лето 2024 года мы работали только на «Приветах», настоящая рабочая лошадка.

Грин вспоминает, как под Часовым Яром с помощью «Привета» уничтожили мост, который использовали ВСУ для ротации и логистики. БПЛА ударил в стену здания, за которым располагалась важная переправа. Здание оказалось заминированным. В результате одно «крыло» уничтожило и здание, и сам мост.

— Постепенно вместе с «Приветом» стали использовать «Молнию», — продолжает Грин. — По дальности в силу хорошего аккумулятора она может преодолеть свыше 60 км. Тащит до 10 кг взрывчатки. На неё можно даже ТМку [противотанковую мину] повесить. Конечно, 60 с ней не пролетит. Но километров на двадцать вполне. В момент пикирования развивает скорость от 150 до 170 км/час.

— А какие вообще скорости у таких БПЛА? — спрашиваю у Грина.

— Все «электрички» в принципе от 80 до 100 км/час идут, — отвечает собеседник RTVI. — «Молнии» и «Приветы» мы используем в большом количестве.

«Эспаньола» активно сотрудничает с конструкторскими бюро. Тестирует новые «продукты», даёт обратную связь, выставляет ТЗ для улучшения технических характеристик изделий.

— Небо на гражданке и небо на СВО — это два разных неба. Что бы люди на гражданке не говорили, что у них там всё летит хорошо, тут всё может быть совершенно по-другому, — говорит Грин. — На передке своя микроволновка. Там столько разных частот, что то, что здесь может отлично работать, там может не работать вообще.

Говорим про Часов Яр.

— Вот когда враг находился в самом Часике, для нас было классно. Потому что это высота. Все цели в основном были поражены. Потом, когда их оттолкнули за Часов Яр, — там низина. И перед нами Часик уже предстаёт как бы горой — перекрывает сигнал. Соответственно, статистика эффективности работы уменьшилась. Плюс у них появилось ПВО коптёрного типа, так называемые «Охотники»: они охотятся за крыльями и сбивают. Если в 2024 году они по нам вообще не отработывали, то в этом — из трёх «самолётов» два сбивают охотники. Но и на них управа есть, — говорит Грин.

По его словам, в окрестностях Часова Яра у противника сегодня огромное количество FPV-дронов. А вот тяжёлых крыльев гораздо меньше, чем у российской армии.

— Вот разведка у них достойная, — признаёт Грин. — Наши «охотники» по их разведывательным крыльям только сейчас начали работать. Но технически они получше. В них все западные страны вкладываются, чего уж. Поэтому они прут и прут. Но мы тоже не отстаём.

Говорим о том, насколько опасно быть оператором БПЛА в зоне СВО.

— Насколько я знаю, у врага даже есть созданная сеть таблиц, куда заносятся данные об уничтожении наших. За них начисляются очки. За оператора БПЛА, к примеру, дают шесть очков, за танк — три очка. То есть «птичник» сейчас на первом месте, — рассказывает Грин.

— Мадьяр придумал, — говорит кто-то из бойцов, имея в виду руководителя аэро разведывательного подразделения ВСУ «Птицы Мадьяра» Роберта Бровди.

Грин объясняет, что в современных боевых действиях, кем бы ты ни был в подразделении, всё опасно.

— Есть только одно но. Чтоб добраться до переднего края, — будь ты БПЛАшник, сапёр или штурмовик, — тебе надо пройти участок, который просматривается. Нам, допустим, кто работает с дальними «птицами», может быть немного безопаснее. В плане того, что находимся дальше от передка. Но всё равно в зоне риска, по нам шарашат. И если нас срисуют, то по нам прилетит

уже ракета. Обычно же как вычисляют: устанавливают место, откуда вылетела птица и дальше туда прилетает ракета. Артой нечасто бьют. Всё зависит от того, где ты сидишь. Если в бетоне, то арта бесполезна. Если в частном доме — то и артой можно, и FPVшками. И тут уже — повезёт или не повезёт. А учитывая, что сейчас приоритетная цель — БПЛАшник, причём, что с нашей, что с их стороны, — он сразу в зоне риска.

Сейчас, говорит Грин, российская армия научилась консолидированной работе на низовом уровне. Поэтому эффективность по уничтожению расчётов БПЛА противника повышается.

Ещё одно направление БПЛА, которое сейчас активно задействовано в зоне спецоперации, это дроны на оптоволокне. Грин говорит, что за ними будущее. Причём сегодня преимущество в «оптике» за российской армией.

— Мы тут впереди. Сейчас оптика заменят FPV. Эффективность высокая. Из одного [дрона] один как правило долетает до цели. Из 10 один может не долететь в силу каких-то неисправностей. Но они себя точно окупают, — считает собеседник RTVI.

— А сбивать такие дроны мы умеем?

— Только с ружья, как FPVшки.

— Сколько, — спрашиваю у Грина, — в день на одном участке фронта используется беспилотников?

— Если брать по минимуму, например, участок 10 км в ширину, то в среднем, думаю, один расчёт FPV использует, если погода позволяет, не меньше ста штук в день. Они могут один за другим пускать. У нас тяжёлые «крылья», один вылет в сорок минут. Надо понимать, что сейчас идёт война дронов. 75-80% того, что стреляет, это уже дроны.

— А каков расход для уничтожения цели?

— Мы готовим три FPVшки или три крыла на цель. Если с первого раза не попал, ещё две в запасе есть.

В конце нашего разговора Грин добавляет:

— Если вы меня спросите, что я буду делать на гражданке, то на гражданке я себя уже не вижу. На наш век войн хватит.

«Коты»

Следующей точкой нашей поездки в этот день стала располага «Котов». Эти ребята работают с FPV-дронами, которые буквально заполнили небо над линией фронта. А их развитие постоянно растягивает «серую зону» великанскими шагами.

Флэту 45 лет. В «Эспаньолу» он попал из «вагнеров». В составе ЧВК он штурмовал Бахмут, потом год проработал в Мали, а затем снова вернулся на Донбасс. Был пулемётчиком. Но с развитием дронов укрепился в мысли, что старые методы работы стали неэффективными, так и попал в подразделение БПЛА.

— То, что здесь происходит, то, в каком темпе бегут технологии, — это просто небо и земля в сравнении с тем, что было буквально недавно, — говорит Флэт. — Я работал со многими, безо всякой иронии, крутыми вояками — Героями России, кавалерами ордена Мужества, супер-профессионалами из сил специальных операций, но сейчас боевые действия приобрели такой характер, когда даже их навыки здесь становятся бесполезными. Технологии, технологии и ещё раз технологии...

В сентябре прошлого года группа Флэта зашла в Часов Яр. Изначально план заключался в полной автономии, предполагавший свободную охоту. И практически сразу «Коты» убедились в тщетности этой затеи — противник сидел в глухой обороне, которая выстраивалась там годами.

— Ну, то есть, они прекрасно знали, куда могут долететь наши дроны, и просто, блин, стояли, курили и проводили ротацию, прекрасно понимая, что до тех позиций мы не долетим, — рассказывает Флэт. — Подойти ближе было невозможно. На всех тропях, которые туда вели, были пулемётные точки, и они просто простреливали всё, что движется. Когда мы начали разведку, поняли: да блин, их просто невозможно оттуда выковырять. Разве что только ФАБаами.

Флэт объясняет, что в итоге взятие Часова Яра стало медленной, кропотливой работой, когда шаг за шагом, в слаженности, каждое подразделение выполняло свои задачи и постепенно перемалывало противника. Вместе с тем, полагает Флэт, не исключено, что ФАБы ещё понадобятся.

— Хотя Часов Яр официально взят, работать оттуда не представляется возможным, — объясняет собеседник RTVI. — Подвоза пока туда нет, всё жужжит. Причина — всё те же технологии. Если раньше они сидели в лесополках на расстоянии пяти километров и кошмарили FPVшками, то сейчас, когда мы их оттуда откатали и расстояние стало 15 километров, они продолжают всё так же активно использовать FPV. Туда как было не зайти, так и остаётся.

По словам Флэта, если ещё совсем недавно взятие высоты означало бы невозможность для противника отрабатывать по ней дронами с большого расстояния, то сейчас ВСУ начали использовать специальные ретрансляторы сигнала, который позволяет преодолевать практически любую высоту.

— Вот, допустим, сидит расчёт FPV. Перед ним высота, скажем, сто метров. Дальше гора метров двести. За ней противник. Наш сигнал через эту гору уже никак не пройдёт. В этом случае мы поднимаем ещё одну «птицу», которая будет находиться выше горы метров на пятьсот, и на ней закреплён ретранслятор. Мы подаём на него сигнал, и она через этот ретранслятор уже раздаёт сигнал боевой «птице». Так преодолевается высота и различные помехи, — рассказывает Флэт.

Не так давно «Эспаньола» вышла на технологию, которая позволяет через ретранслятор раздавать сигнал сразу на несколько «птиц». Но загвоздка в том, что ресурс у дрона с ретранслятором ограничен — через тридцать минут «птицу» нужно вернуть домой или заменить.

В это время ВСУ усовершенствовали ту же технологию и стали применять дроны с ретрансляторами на солнечных батареях. И это, безусловно, прорыв. Теперь такой дрон можно поднять хоть на семь километров вывись, а солнечная батарея увеличивает время его работы в разы. При этом обнаружить дрон с таким ретранслятором и на такой высоте очень сложно.

— Вот поэтому сейчас они спокойно, хоть с Константиновки, хоть с Краматорска могут запускать свои «птицы» по Часову Яру. Раньше мы на десять километров летали, радовались, сейчас нам уже двадцати мало. И я так предполагаю, что с учётом, как быстро здесь всё развивается, через несколько месяцев «серая зона» растянется километров до пятидесяти. Это будет новая реальность, в которой нам предстоит жить, — говорит Флэт.

— А РЭБы против таких вещей неэффективны? — интересуюсь у собеседника.

— Ну, что такое РЭБ? Принцип его работы в том, что просто на определённые частоты подаётся большая сила тока, чтобы создавать помехи. Но эти частоты постоянно меняются. Сегодня РЭБ невозможно настроить так, чтобы он глушил все частоты. Он глушит диапазоны. Пока мы, условно, РЭБ поставили на 1700, на 2500, на 5800, — у них полетело на 300, — объясняет Флэт и уточняет, что российская армия и «Эспаньола» в частности — всё это тоже умеют. — Но они пока немножечко впереди. Им активно помогает Запад. Мы в «Эспаньоле» их быстро догоняем. То есть идёт постоянная гонка.

С Фэнком мы общаемся внутри располагаи. На стенах развешаны различные флаги. На протяжении всего разговора со шнурком на моих кроссовках играет маленький котёнок. Время от времени Флэт тяжело вздыхает. Интересуюсь у него на этот счёт. Он говорит, что за время своего участия в спецоперации успел получить два ранения. Оба связаны как раз с FPV-дронами.

Первое боевое Флэт получил, нарвавшись на «Ждуна». Это специальный дрон, который «забывают» в том месте, где потенциально может проходить противник. Когда тот фиксирует движение, он взмывает вверх и начинает работу на уничтожение.

— Мы тогда двигались по открытой местности, выбирали позиции, и тут на нас вышла «птица», — вспоминает Флэт.

— Что делать в таком случае?

— В Бога верить, — улыбается Флэт. — Сначала верить в Бога. А потом — уворачиваться.

Флэт говорит, что был взбешён, когда наткнулся в интернете на видео, на котором военных учили замирать при виде FPV.

— Это пипец! Лучшей цели для оператора просто нет, — говорит собеседник RTVI. — Тех, кто такому обучает, нужно самих пускать в расход.

Сам Флэт убеждён, что каждый военный, участвующий в СВО, просто обязан научиться летать хотя бы на симуляторе, чтобы понимать, как устроена работа FPV-дрона и управление им.

— Только когда ты знаешь, как это работает, как оператор работает, как и какой он может сделать манёвр, только тогда у тебя есть хоть какой-то шанс его обмануть, — объясняет Флэт. — FPV-дрон — суперманевренный. Поэтому понимание, как он устроен плюс хорошая физическая подготовка, увеличивают шансы. Что ещё немаловажно — ты ни в коем случае не должен паниковать. Начал паниковать — тебе конец.

Возвращаясь к своему первому ранению, Флэт рассказал, что ему удалось выжить лишь благодаря тому, что он успел резко нырнуть под дрон, когда тот уже находился перед его лицом. В итоге бойца посекло осколками, но он остался жив. Второму бойцу, что был с Фэнком, не повезло. От своего дрона, немного запаниковав, он побежал и тот смертельно поразил его в спину.

Второе ранение Фэнк получил совсем недавно под Часовым Яром. Они с товарищами сидели в блиндаже, который рано утром вычислил противник и послал туда своих «птиц». Причём блиндаж был отлично обустроен: высота потолков четыре метра, сверху бетонные плиты, а над ними ещё метра три насыпи. Если смотреть сверху — просто бугор земли. Но ВСУ всё же вычислили. «Разбирали» блиндаж они планомерно. Сначала подорвали генератор, отчего внутри погас свет, затем — обрубали связь. Потом повесили одну «птицу» над входом, а второй ударили прямо в неё, вследствие чего вся кумулятивная волна зашла точно в блиндаж.

— В какой-то момент я понимаю, что всё — я в земле и под плитой. Дышать могу только благодаря тому, что на мне была каска и из-за этого образовался небольшой вакуум. Была мысль, что вот такая она — моя смерть. В живой могиле. Тут я начал рычать, и парни, сумевшие откопаться, которых по грудь засыпало, меня услышали и достали, — рассказал Флэт.

Вместе с ним в тот злополучный день в блиндаже был боец «Эспаньоль» с позывным Немец. В отличие от Флэта, в результате взрыва его засыпало ещё сильнее. Он не мог кричать. Немца впоследствии откопали. Но он был мёртв.

— Вот так сложились обстоятельства, — сокрушённо говорит Флэт. — Так что сегодня я с тобой разговариваю, а не Немец.

Мы оба молчим.

Я вижу, что Флэту тяжело это вспоминать. И чтобы как-то разрядить обстановку интересуюсь его планами.

— Хочу отдохнуть пару месяцев, — говорит он. — Организм не обманешь. Он постоянно на стрессе. У меня в «вагнерах» бывали моменты, особенно под конец командировки, когда уже всё становится пофигу. Вот когда такое чувство появляется — нужен отдых. Обязательно нужен отдых. Я знаю людей среди мобилизованных, которые третий год уже воюют. Они уже ходят в открытую, даже не прячутся от «птиц». Вот такого точно не должно быть. Ты сам и твой командир должны это замечать. И хороший командир всегда заметит и найдёт возможность отправить в отпуск.

— Когда же всё закончится? — спрашиваю в Флэта.

Он улыбается. Флэт похож на Тора из известного голливудского блокбастера. Могучий, с бородой и длинными русыми волосами. Он небрежно забрасывает волосы назад и говорит:

— У меня есть видение на этот счёт. Но я не хочу говорить. Пока не закончится. Пока что нет...